

МОСТ ЧЕРЕЗ РЕКУ ТАГ

Поработав в США почти двенадцать лет советским журналистом, я обычно утром начинал деловой день с просмотра свежих газет и журналов. Это были «Нью-Йорк таймс», «Нью-Йорк пост», «Вашингтон пост», «Вашингтон таймс», «Нью-Йорк дейли ньюс», «Тайм», «Ньюсуик», «Коверт Акшн бюллетен», «Солджер оф форчун» и эмигрантское «Новое русское слово».

Из тысяч бумажных слов я старался выпустить такое зернышко, которое могло бы стать компасом к будущей теме моего нового репортажа.

Мое положение было похуже служебных забот других советских корреспондентов в Нью-Йорке и Вашингтоне. Они ежеутренне выуживали из американской прессы пригодные им факты, обыгрывали их в стиле нашей пропаганды и телеграфировали или телефонировали свою стряпню в их московские редакции.

А я ищачил на еженедельники – сперва «Новое время», потом «Литературную газету», которым вчерашние новости из Америки были не нужны. Им требовался оригинальный и остросюжетный репортаж с выездом корреспондента из Нью-Йорка на место события, интервью с очевидцами события, журналистская зарисовка конкретной политической обстановки.

Помню, как, будучи в командировке на родине тогдашнего президента США Джимми Картера в штате Джорджия, я вечером в мотеле увидел по телеканалу Си-би-эс 12 августа 1977 года сегмент новостной передачи из шахтерского угольного поселка Волкан. На экране были показаны неказистые одноэтажные бараки и стоящие возле них беднячки одетые поселчане. Диктор сказал, что поселок прижат к горной речке горами Аппалачей, и единственный предгорный проход к поселку занят железнодорожными путями со стоящими на них составами вагонов с углем. Эта узкая полоска земли и ее обрыв в горную речку являются частной собственностью угледобывающей фирмы и запрещены для пешего пользования жителями Волкана.

Телепередача также сообщала, что раньше у поселка был старый канатный мост для переправы в соседний штат Кентукки, где вдоль берега пограничной речки Таг тянется хорошее шоссе. Но три года назад речное половодье разрушило и снесло спасительный мостик. А тем временем власти штата Западной Вирджинии, где нахо-

дится изолированный теперь отовсюду поселок Волкан, отказались восстановить или построить заново исчезнувший мост.

Главным персонажем телепередачи был показан костлявый, худо одетый пожилой мужчина в рубашке с открытым воротом и сандалиях на босу ногу. Он назвал себя – Джон Робинет, неофициальный мэр поселка. Робинет заявил, что неделю назад обратился к Советской России с просьбой построить речной мост. Но ответа не получил. Над чем насмешливо поиздевался под конец холеный диктор Си-би-эс.

После той телепередачи я попытался отыскать Волкан на имевшемся у меня подробном атласе карт Соединенных Штатов. Однако нигде в Западной Вирджинии никакого Волкана не было. К тому же вообще в Аппалачах нет вулканов. И я отложил эту неясную историю на будущее.

Тем не менее та история ожила для меня почти полгода спустя. 12 декабря 1977 года я вычитал в «Вашингтон пост» иронически составленную заметку:

«Джон Робинет, мэр Волкана в Западной Вирджинии, вляпался в неприятность, пытаясь привлечь внимание русских. Он еще в сентябре писал их правительству, прося иностранную помощь в размере примерно 250 тысяч долларов, чтобы восстановить речной мост, соединяющий Волкан, деревушку с двумя сотнями душ на границе Кентукки, с остальной цивилизацией. Но мэр не получил никакого ответа. Теперь мэр раздумывает: наверное, и у коммунистов нет никакого интереса к Волкану, как это уже продемонстрировал Дядя Сэм, который раньше начал на стройку речного моста. Но быть может, послание мэра не дошло до адресата. Так или иначе, теперь безработный мэр пытается раздобыть 15 долларов на мэйлграмму прямо в Кремль».

Эту язвительную заметку я вырезал из газеты и сохранил. К чему? Да просто так. Сперва без всякого умысла. Однако она острой занозой засела в памяти. Почему-то я долго не мог ее забыть. Что-то подспудно бередило мне душу и понуждало к действию.

Поначалу я дозвонился по телефону до центрального справочного бюро Западной Вирджинии. И попросил дежурную телефонистку помочь мне снестись с мэром Волкана. В ответ услышал, что справочник штата не содержит номера телефона мэра Волкана, хотя этот микроскопический поселок, кажется, все-таки существует возле пограничного с Кентукки городка Мэтеван. Оттуда позже откликнулся муниципальный чиновник мистер Дэвис:

– Да, Волкан неподалеку от нас. Но я не знаю номера телефона тамошнего мэра.

– А как проехать к Волкану?

– Проехать практически невозможно. Ведущий к Волкану речной мост развалился. Советую нанять вертолет.

– Шутите?

– Нисколько. Вряд ли вы решитесь достичь Волкана вплавь. А в объезд реки на подступах к Волкану – горы и такое бездорожье, что туда ехать ни один таксист не согласится.

– Если я приеду к вам, то найдется пеший проводник до Волкана?

– Позвоните мне завтра.

Назавтра я, поздоровавшись с Дэвисом, услышал вслед затем из трубки другой взволнованный голос:

– Это Джон Робинет! Мне точно передали, что вы говорите по-английски?

– Точно.

– А правда, что вы намерены посетить Волкан?

– Еще не решил окончательно.

– Прошу вас, приезжайте. И как можно быстрее.

– Хорошо.

– Когда же?

– Скажем, через три дня.

– Отлично! Доберетесь автобусом до города Уильямсон, а там я вас встречу. Все в нашем поселке очень обрадуются вашему визиту. Ждем!

И я собрался в Аппалачи. Теперь предстояло, проехав по стране образцовых транспортных коммуникаций, достичь глухого поселка, неизвестно как заброшенного далеко от автострад, железных дорог и авиалиний сегодняшней Америки. Путешествие обещало быть интересным.

Из Нью-Йорка петел я полдня самолетом до города Хантингтон в Западной Вирджинии. Затем полдня ехал автобусом до города Уильямсон. Шоссе извивалось меж холмов, покрытых лысоватым лесом. Встречных машин попадалось мало. Несколько раз видел из автобуса железнодорожные полустанки и неподвижные составы порожних угольных платформ. Так же неподвижно стояла вдоль обочины шоссе колонна пустых грузовиков-углевозов. В Аппалачах была шахтерская забастовка.

Въехали в Уильямсон. Его двухэтажные дома сгрудились на берегу маленькой, но капризной в половодье речки Таг. Она накануне моего приезда залила Уильямсон и потом возвратилась в свое русло, оставив на улицах жидкое месиво ила и земли, а на стенах домов – налипшую зеленоватую плесень. Очищать тротуары и постройки городские власти, видимо, не торопились. Да и ради кого им прытко усердствовать? Живут в Уильямсоне шахтеры, железнодорожники, лесорубы.

Автобус подрулил к деревянной будке на площади. Пассажиры прильнули к окошкам: перед автостанцией зачем-то толпились люди с телевизионными камерами, лампами на штативах, микрофонами, фотоаппаратами. Я смекнул, что в Уильямсон нагрянули американские коллеги-репортеры за какой-то весьма заманчивой для них поживой. Тогда я еще не знал, что мои предыдущие телефонные розыски мэра Робинета получили здесь огласку. И вызвали широкий интерес, когда в день моего отлета из Нью-Йорка уильямсонская газета «Нью зра» напечатала такую захватскую статейку:

«Русские идут в Волкан! Советский журналист едет сюда в ответ на запрос об оказании нам помощи от Москвы. Джон Робинет, мэр Волкана, отчаялся добиться помощи от властей штата и правительства США на восстановление моста к Волкану и ныне пригласил приехать нью-йоркского корреспондента «Литературной газеты» Иону Андропова. Робинет заявил: «Андронов ничего не обещает. Но он опишет советской публике наше бедственное положение». Робинет одержим идеей добиться постройки моста, чтобы его поселок не был отрезан от мира».

В неведении насчет этого объявления, я, выйдя из автобуса, решил в сторонке от скопившихся журналистов дожидаться мэра Робинета. Но не сделал и пары шагов, как ко мне ринулись незнакомцы.

– Это вы советский корреспондент?

– Да, а что?

– Вашу газету издает советское правительство?

– Ее издает, – сказал я, – профсоюз советских писателей.

– Но вы сами-то коммунист с партбилетом?

– Правильно, – улыбнулся я. – Однако, в чем дело?

– Эй, ребята! – раздался крик. – Это он. А где же Робинет?

Из-за спин репортеров и телеоператоров протиснулся худощавый мужчина в заношенной куртке. Он был смущен и робко поприветствовал меня. Мы обменялись рукопожатием. Вспыхнули блицы, зашуршали телекамеры, отовсюду надвинулись на нас микрофоны.

Я спросил: из-за чего переполох? Вальяжно-полноватый господин заявил, что он во главе группы корреспондентов телекомпании Эй-би-си спешно прибыл вертолетом в Уильямсон полтора часа назад. Указав на остальных, он прибавил:

— А это сотрудники местного телевидения, репортеры основных телеграфных агентств, корреспонденты газет. Всех привела сюда сенсация: впервые в истории Соединенных Штатов должностное лицо апеллирует к иностранцам с просьбой экономического характера, причем обращается с этим к Советской России! Ничего подобного мы никогда раньше не слышали! Приготовьтесь к тому, что мы будем следовать за вами по пятам и записывать каждое ваше слово из разговоров с мэром Робинетом.

— Ладно, — сказал я. — Лишь бы вы не мешали моим репортерским занятиям.

Небывалый запрос экономической помощи из США в Москву вызвал, действительно, такой ажиотаж, что к нему подключился известный голливудский киноконцерн Метро-Голдвин-Мейер (МГМ). Владельцы МГМ объявили, что если русские и американские власти не смогут почему-то построить речной мост в Волкане, то это сделает МГМ и снимет об этом отличный художественный фильм.

Намерение МГМ не было голословным. Мне передали в 1979 году уже готовый киносценарий, написанный литератором Клайдом Вейром под присмотром голливудского продюсера Джея Вестона. Название сценария — «Мост для Волкана».

Но одноименный фильм не был снят, ибо несколько месяцев спустя всю Америку и многие иные страны охватило бурное антисоветское возмущение: войска СССР вторглись в Афганистан. Большинство государств-членов ООН приняли совместную резолюцию с осуждением советского нападения на слабого соседа. В Америке даже вспыхнула кампания за публичное разбитие об уличный тротуар бутылок с русской водкой. Такому настроению никак не соответствовал миролюбивый «Мост для Волкана».

Тем не менее я хочу ознакомить моих читателей с выдержками из голливудского сценария¹, чтобы показать как разнятся взгляды русских и американцев на одни и те же факты. Надеюсь заодно и позабавить вас. Итак, вообразите: вы кинозритель американского фильма, на экране — первые кадры.

¹ *Примечание.* Цитируемые здесь фрагменты киносценария «Мост для Волкана» были ранее напечатаны московским журналом «Знамя» в июле 1984 года.

Мост для Волкана

...Лос-Анджелес. Вид с высоты. Паутина пересекающихся автомагистралей. По ним снуют десятки тысяч крохотных, как букашки, автомобилей.

В кадре – небоскреб. Перед ним автостоянка, забитая машинами. Среди них втиснут красный «мерседес». Он староват, однако, смотрится еще неплохо. В его багажник закидывает чемоданы Вивиан Спенсер. Ей лет под сорок, но она по-юношески изящна, привлекательна и даже может быть чарующе обворожительной, когда того захочет. Тем не менее в этот момент она одета буднично: джинсы, заурядная блузка, косынка на голове. Покончив с упаковкой чемоданов, она садится за руль и уезжает.

Машина Вивиан вливается в бесконечный поток заснятых опять с высоты автомобилей, превращается также в быстроходного жучка и уносится вместе с другими автомошками из Лос-Анджелеса и Южной Калифорнии.

Красный «мерседес» стремительно скользит вниз по горной трассе. Потом катит по плоской пустыне. Опять врывается в горы. Спускается на степные равнины. Мелькают бензозаправочные станции и бесчисленные мотели. Возникают цветущие магнолии и окутанные туманом болота южных штатов. Река Миссисипи, Новый Орлеан, Нашвилл с его незатейливыми мелодиями деревенского джаза. И под конец – Кентукки. Зеленые травы, холмы, белые изгороди ферм.

Внезапно Вивиан нажимает изо всех сил на тормоз, машина содрогается, грохочет, судорожно виляет и останавливается. В расширенных глазах Вивиан – испуг и удивление. Она утирает лицо платком. Выбирается из авто на дорогу. Ее машина замерла при въезде на сельский мост через неширокую бурную реку. Еще несколько метров – и «мерседес» сверзился бы, будто с трамплина, в глубоководную западню. Вивиан ошеломленно смотрит на развалившийся мост.

У въезда на мост выставлен на двух шестах большой кусок жести. На ней сквозь слой ржавчины и грязи проступают полуоблупившиеся метровые буквы: «Добро пожаловать в сказочно прекрасную Западную Вирджинию!» Пониже – вторая строка: «За мостом – поселок Волкан».

Мост был, судя по всему, построен много лет назад и так обветшал, что распался кучами гнилых обломков. Их поглотила река. И только на берегу со стороны Кентукки уцелел огрызок первого проле-

та разрушенного моста. Глядя на его руины, бледная от пережитого волнения Вивиан стоит, прислонясь к своей машине.

Неожиданно Вивиан слышит какие-то звуки. Они исходят от сохранившегося начального пролета моста. Похоже, что там плещется вода. Вивиан приседает, заглядывает под остаток моста и видит внизу причалившую утлую лодку. В ней женщина и мужчина. Он ворочает веслами. Подгребает вплотную к берегу, выскакивает на него и помогает спутнице выбраться из лодки на сушу. Вдвоем они, тяжело дыша, вскарабкиваются на крутой берег. По физиономиям и одежде они – простые местные жители. Заметив Вивиан, оба с недоумением рассматривают незнакомую леди, словно инопланетное существо в их глухомани.

Вивиан: «Хэлло! Что стряслось с мостом? Я ехала в Волкан по памятной мне издавна дороге...»

Мужчина: «Наш мост, как видите, развалился».

Вивиан: «Как же мне быть? Ведь это единственный путь к Волкану. Как теперь туда попасть?»

Мужчина: «Только на лодке».

Вивиан: «Но я хочу доехать до Волкана на автомобиле!»

Женщина: «Придется вам, милая, потерпеть часа два. Мы должны сделать закупки в продуктовой лавке, а потом вернемся и возьмем вас в нашу лодку. Верно, Бобби?»

Мужчина: «Ну, конечно».

Вивиан: «Спасибо, но мне понадобится машина в Волкане. Как же туда проехать?»

Женщина: «Да зачем вам ехать в Волкан? Там нет ничего подходящего для вас. Нет ни одного приличного магазина. Нет парикмахерского салона...»

Вивиан: «Я знаю. Однако мне необходимо добраться туда на машине. Есть же, наверное, какой-либо способ?»

Мужчина: «Тогда поезжайте обратно, сверните на шоссе номер 12, с него – на номер 23, потом на автомагистраль штата и направляйтесь к востоку...»

Вивиан: «Вспомнила! Оттуда следует повернуть на дорогу 64...»

Мужчина: «А по 64-й дороге ехать на восток, пересечь речной мост, выехать на дорогу 54, сделать крюк к западу и попасть на дорогу Сосновой горы...»

Вивиан: «Дорога Сосновой горы! Это же деревенская тропа?»

Мужчина: «Да, мэм».

Вивиан: «Такой объезд составит не менее шестидесяти миль!»

Мужчина: «Точнее – семьдесят».

Женщина: «Если вы, милая, очень торопитесь, то Бобби, так и быть, перевезет вас через реку сейчас».

Вивиан: «Право же, мне нужен мой автомобиль...»

Мужчина: «Только затем, чтобы взглянуть проездом на Волкан?»

Вивиан: «Нет, я задержусь там. По неотложным делам».

Женщина: «О, я догадалась: вы – Вивиан Спенсер?»

Вивиан: «Да, но почему вы...»

Женщина: «Мы много слышали о вас. Мы были друзьями вашего отца. Его знали все в нашем округе».

Женщина протягивает руку Вивиан. Мужчина снимает шапку.

Вивиан: «Рада встречи с вами. Миссис?...»

Женщина: «Лош. Бобби и Мэксин. Здравствуйте, мисс Вивиан. Как ужасно жаль, что ваш папа...»

Вивиан: «Благодарю. Но он прожил славную жизнь. И хорошо, что это случилось с ним мгновенно и он не страдал».

Женщина: «Наши односельчане говорили, что вы обязательно приедете. Да благословит вас бог, дорогая».

Бобби и Мэксин провожают Вивиан к ее машине. Вивиан заводит мотор. Оборачивается к мосту, озадаченно покачивает головой. И уезжает.

Красный «мерседес» кружит по разветвлениям местных дорог, но Вивиан больше не испытывает беспокойства или досады. Она взирает с улыбкой на покинутые ею давным-давно лесистые холмы, распаханные ложбины, пастбища, фермы. Включает радиоприемник, подпеваает простонародной песенке под гитару. Она ощущает наконец, что вернулась к родному дому, он уже совсем близко, и Вивиан заставляет свою машину издавать озорные звонкие гудки.

«Мерседес» съезжает с узкого шоссе на грунтовую дорогу Сосновой горы. Проселок в кошмарном состоянии. Машина еле ползет по нему, подскакивает на ухабах, оседает с боку на бок в рытвины, временами буксует. Навстречу то и дело ползут ревущие надсадно мощные грузовики с углем. Они поднимают облака пыли, которая окутывает «мерседес», ослепляет Вивиан и вызывает у нее приступ удушливого кашля. Вивиан все же пробирается кое-как сквозь серую пелену пыли, огибает зеленый холм и подкатывает к кромке открытого угольного карьера. Она печально разглядывает изуродованный

безжалостно ландшафт. Окружающие холмы срезаны до основания, и повсюду лишенная растительности земля зияет черными кратерами. объезжая их, машина Вивиан опять подпрыгивает, кренится, пронзительно скрипит.

Далее проселок утыкается в железнодорожную одноколейку. На ней стоит длинный эшелон платформ с углем. неподвижный состав перекрыл проезд через одноколейку. Вивиан растерянно рассматривает эшелон. Что делать? Она подает автогудки, но тщетно. Наступает мертвая тишина.

Потом из-под угольной платформы показывается мужчина в замасленной спецовке. Он держит в руке фонарь. Флегматично проверяет сцепление между платформами.

Вивиан: «Как долго поезд простоит здесь?»

Рабочий: «Пока загрузят углем еще десяток платформ».

Вивиан: «И все это время эшелон будет блокировать переезд?»

Рабочий: «Ага. Как обычно».

Вивиан: «Неслыханно! Мне надо срочно попасть в Волкан! Это очень важно. Можете чем-то мне помочь?»

Сперва она говорит гневно, но сразу осознает, что ее возмущение бесцельно, и потому заканчивает свою реплику нежным голосом хорошенькой беспомощной женщины, молящей о сочувствии представителя сильного пола.

Рабочий: «Когда загружают вагоны, мне недозволено...»

Вивиан: «Ну, пожалуйста! Прошу вас!»

Она бросает в атаку все свои дамские чары, и сцепщик платформ уже колеблется.

Рабочий: «Хм, я не должен этого делать, однако...»

Он ныряет под платформу, загородившую путь автомобилю Вивиан.

Рабочий: «Ох, попаду же я в беду!»

Он расцепляет две платформы, сходит с рельсов. Через несколько секунд поезд сдвигается рывком на несколько метров вперед и опять замирает.

Вивиан: «Потрясающе!»

Рабочий: «Скорее проезжайте!»

Вивиан: «Огромное спасибо! Но почему у вас не считаются с автомобилистами?»

Рабочий: «Об этом спросите хозяев фирмы «Угольная долина». Им принадлежат и карьер, и железная дорога, и эшелоны».

Вивиан: «Прощайте».

«Мерседес» поспешно проскакивает переезд. Вивиан оглядывается, машет рукой рабочему. Он чихает от пыли, поднятой «мерседесом». Но тоже машет в ответ и широко улыбается.

В кадре – поселок Волкан. Он очень мал. Лишь два квартала одноэтажных домишек и бараков. Никакого автодвижения. Вивиан едет в одиночестве по немощеной улице мимо деревянных халуп, половина из которых необитаема и заколочена досками поперек окон и дверей. Бывший крошечный кинотеатр лежит в руинах. Приземистое здание школы заколочено. Большинство покинутых жилых домов уже частично развалилось. Улица безлюдна. Волкан, по существу, поселок-привидение. У Вивиан на глазах слезы.

Она тормозит возле единственного в поселке трехэтажного жилого дома. Его окраска на фасаде вылиняла и потрескалась. Он явно нуждается в ремонте, но по сравнению с другими строениями до сих пор выглядит как Тадж-Махал. Переступив его порог, Вивиан попадает в объятия пожилой деревенской женщины Мэри Лоу.

Мэри: «Мы страшно беспокоились, что ты опоздаешь на похороны! Мы уже собирались попросить преподобного Связна сделать отсрочку на четыре часа».

Они обе входят в большую гостиную, где сидят вокруг накрытого стола около дюжины родственников Вивиан с детьми. Все смотрят на нее. Некоторые начинают всхлипывать. Ребятишки продолжают жевать. Вивиан пытается вспомнить имена родственников, узнать знакомые некогда лица, но ничего у нее не получается. А они обступают ее, целуют, обнимают, говорят все разом.

Родственники: «Ах, Вивиан, дорогая!.. Бедный дядюшка Джеймс!.. Мы и не подозревали, что он так плох!.. Еще на днях он выглядел здоровяком... Ты признала, Вивиан, твоего кузена Томми?... Ты такая красotka!.. Скорее покормите Вивиан!.. Тетя Джесси испекла в твою честь индюшку!.. Мы все боготворили, Вивиан, твоего отца!.. Говорят, ты преуспеваешь в Голливуде?..»

Вивиан: «Спасибо, что вы все пришли... Здравствуй, Томми, ты несколько не изменился... Нет, я не голодна... Рада вас видеть, дядя Джо... Благодарю, благодарю...»

Мэри: «Стоп! Дайте Вивиан отдохнуть с дороги».

Вивиан: «Что вы, Мэри Джейн...»

Мэри: «Мэри Лоу».

Вивиан: «Прошу извинить, Мэри».

Родственники: «Посмотри-ка, Вивиан, и вспомни – это твоя тетя Элен!.. А ты такая стала эlegantная!..»

Мэри: «Тихо! Дайте ей передышку. Пошли, Вивиан, я отведу тебя в ванную и спальню».

Вивиан: «Я снова хочу всех вас поблагодарить. Вы ценили отца, общались с ним... Я разговаривала, конечно, с отцом по телефону, но... Знаю, что вы позаботились о его похоронах... Вы очень добрые... Я вам благодарна...»

Ее голос срывается. Все затихли. Мэри, обхватив Вивиан за плечи, уводит ее из гостиной. Родственники молча возобновляют трапезу.

В кадре – спальня Вивиан. Ее фотографии развешаны по стенам. Вот она школьница. Вот с влюбленным в нее парнишкой. Позже – в костюме эстрадной танцовщицы. Потом – среди артистов ансамбля Глисона. Затем – актриса мюзикла на Бродвее.

Она переходит от снимка к снимку, видит заново свою жизнь и сознает, что отец, собирая ее фотографии, никогда не расставался с нею, хотя она годами не была дома, не навещала отца, жила вдали сама по себе. Жалость к отцу и запоздалая любовь переполняют Вивиан. Она не может побороть дрожь и слезы.

Подходит к окну. Замечает что-то снаружи, всматривается пристально. И на ее лице постепенно проступает выражение твердой решимости. Слезы еще не высохли на щеках, но она больше не плачет. За окном она видит нечто, гипнотизирующее ее сознание.

В кадре – рухнувший речной мост к Волкану. Бренные останки моста лежат в сотне метров от отчего дома Вивиан. Для нее сейчас это символ горькой утраты и несчастья. Смерть отца уже необратима. Но ведь умирает теперь и родной поселок ее отца только потому, что развалился мост – исчезнувшая связь Волкана с цивилизованным внешним миром. И хотя Вивиан еще не знает, что ей предпринять, ее деятельная натура уже духовно воспрянула. Тоска по отцу не отступила, но родилась решимость восстановить то, что поправило. Как? Это пока ей совершенно неясно.

В кадре – похоронная процессия продвигается от дома Спенсеров по улице. Параллельно ей на расстоянии четверти километра тянется железнодорожная одноколейка, берущая начало возле угольного карьера. Участники похорон сворачивают с улицы к одноколейке. На ней опять стоит эшелон платформ с углем. Подойдя к составу, жители Волкана принимают пробираться на четвереньках под платформами. От толпы возбужденно отделяется Вивиан.

Вивиан: «Постойте! Что вы делаете?»

Мэри: «Кладбище по ту сторону железной дороги».

Вивиан: «Я знаю. Но где это видано – похороны ползком под вагонами? Нет! Остановитесь! Какой позор!»

К Вивиан приближается преподобный Свэн, священник лет шестидесяти. Он зарабатывает себе на хлеб тем, что служит по совместительству электриком. Он рослый, кряжистый, внушительно спокойный.

Свэн: «Не тревожьтесь, мисс Спенсер. Мы к этому привыкли».

Вивиан: «Но это возмутительно! Я заставлю их сдвинуть проклятый эшелон!»

Свэн: «Угольная компания обычно держит тут эшелоны очень долго».

Мэри: «Твой папа, Вивиан, отправился в его последний путь к божьему царству, и нам не следует чинить тому помехи».

Вивиан: «Мой отец не должен отправляться к богу под вагонами фирмы «Угольная долина»!

Свэн: «Наш житейский путь тернист, но рай благостен и умиротворяющ».

Потрясенная Вивиан видит, как мужчины, несущие гроб, протискивают свою ношу под вагонами. Она порывается оттащить назад гроб с телом отца, но ее удерживают Свэн и Мэри Лоу. Остальные лезут на короточках под платформы. Вивиан охвачена стыдом и бесильной злостью. Люди обходят ее смущенно и понуро. Она понимает: ничего изменить невозможно.

Свэн: «Отбросьте, мисс Спенсер, мирские заботы. Вашего отца ждут райские кущи».

Вивиан хочет жестко осадить Свэна, но перевозномегает свое раздражение: спорить, увы, бесполезно.

Вивиан: «Да, преподобный. Простите».

Свэн переглядывается с Мэри Лоу, берет под руку Вивиан и помогает ей пролезть под платформами. Процессия скорбно опять движется к кладбищу...

На следующий день Вивиан сидит в уединении на берегу реки, под тенистой кроной большого дерева. Теплый летний ветер колыхает зеленые травы. Чирикают птицы. Распустились полевые цветы. Но Вивиан сосредоточено смотрит на обломки старого моста. Ее выводит из отрешенной задумчивости голос Мэри Лоу.

Мэри: «Эй, Вивиан, Вивиан!»

Вивиан встает с травы и машет рукой в ответ. Мэри идет к ней, держа какую-то бумажку. На Мэри выходное платье. Она собралась куда-то из поселка.

Мэри: «Чутье мне подсказало поискать тебя здесь. Через час я переправлюсь на тот берег и пойду на автобусную станцию. Вернусь домой на будущей неделе».

Вивиан: «Без тебя в нашем доме неуютно. Ты всегда заботилась об отце. До конца его жизни. Я тебе очень признательна».

Мэри: «Я обожала его. Ты это знаешь. Его все любили. Он был самым самостоятельным человеком в поселке, но не смотрел на других свысока. Помогал многим, одаривал неимущих, хлопотал, как мог, о благополучии поселка».

Вивиан: «Да, таким и был папа».

Мэри: «Ой, чуть не забыла! Письмо! Я засунула его на прошлой неделе за настенные часы. Возьми-ка».

Вивиан берет официально выглядящий конверт.

Вивиан: «На нем иностранные марки».

Мэри: «И написано не по-нашему. По-гречески?»

Вивиан: «По-русски! Это из России».

Мэри: «Разве твой отец знал кого-нибудь в России?»

Вивиан переворачивает конверт так и сяк, изучает его изумленно.

Вивиан: «Папа ничего подобного мне не говорил... Быть может, во время войны он встречал на фронте русских офицеров. Но...»

Мэри: «Да распечатай конверт!»

Они смотрят друг на друга. Вивиан пожимает плечами. Открывает конверт.

В кадре – удивленное лицо Вивиан.

Вивиан: «Здесь значится по-английски «Советский фонд мира»! Это из Москвы! Неужто из Кремля?»

Мэри: «С какой стати им слать нам письма?»

Вивиан читает письмо: «Мост между вашим штатом Западная Вирджиния и соседним штатом Кентукки!..»

Мэри: «Как русские прознали об этом?»

Вивиан: «А так, что отец, очевидно, написал им! Он попросил у них финансовой помощи на постройку нового моста! О, боже...»

Мэри: «Как он додумался? Россия?!»

Вивиан: «Слушай дальше: «Ваше письмо с запросом о помощи было переадресовано нам государственными властями Союза Со-

ветских Социалистических Республик, к которым вы апеллировали в вашем...»

Мэри: «Россия? А это не розыгрыш?»

Вивиан разглядывает заново конверт и показывает его Мэри.

Вивиан: «Вот русский штампель – «Москва». И обратный адрес – «Фонд мира». И официальные печати».

В безграничном изумлении она в третий раз осматривает письмо.

Мэри: «Господи!»

Вивиан: «Да, Мэри, папа, несомненно, сделал это! Он отослал письмо в Россию, прося помощи построить нам мост!»

Мэри: «Ну, что же, он испробовал до того все иные варианты. Молил о помощи и власти округа, и штата, и федеральное правительство».

Вивиан читает письмо: «Наш представитель, уполномоченный провести предварительное ознакомление, прибывает в среду, одиннадцатого...» Одиннадцатого! Да это же сегодня!»

Мэри: «Русские прибывают сюда?»

Мэри, выпучив глаза, вырывает письмо.

Вивиан: «Так сказано в письме!»

Они застывают, будто в шоке.

Мэри: «Да, сказано: «Наш представитель Владимир Андронов прибывает одиннадцатого после полудня!»

Вивиан: «А сейчас начало второго!»

Мэри: «Что нам делать? Известить губернатора? Полицию?»

Вивиан: «Они и без нас наверняка уведомят. Не следует ли созвать в Волкане общественный комитет для этой встречи? Да кто возьмется? Кто, мэр? Или начальник пожарной команды?»

Мэри: «У нас нет штатного мэра. Его обязанности исполнял бесплатно твой отец. И он же возглавлял добровольную пожарную команду...»

Вивиан: «Так кто же возьмется?»

Но Вивиан уже дала себе ответ. Она успокаивается и принимает решение.

В кадре – автобусная станция. К ней подкатывает «мерседес». Из него выходят Вивиан и Мэри. Они нервно поглядывают на пустынное шоссе.

Вивиан: «Придется подождать. Если он прибывает даже с полицейским эскортом, его должен кто-то проводить до Волкана».

Мэри: «Гляди! Идет мой автобус! Жуть, как не хочу уезжать. А надо!»

Подъезжает рейсовый автобус. Останавливается.

Мэри: «Как же ты справишься одна?»

Вивиан: «Я уже взрослая девочка. Справлюсь».

Мэри: «Вся в отца! Счастливо!»

Раскрывается дверь автобуса. Из него выходит Владимир Андронов. Он высок, недурен собой, импозантен. Одет в поношенный костюм. В руках саквояж.

Мэри в спешке задевает Владимира Андропова.

Владимир: «Извините».

Мэри: «Простите, это я виновата».

Водитель автобуса кричит Андронову: «До Волкана еще три мили!»

Владимир: «Спасибо».

Дверь автобуса захлопывается. Мэри уезжает. На шоссе остаются стоять только Вивиан и Владимир. Он кивает ей, улыбается. И озирается неуверенно.

Владимир: «Чудесный денек! Цветы. Птички. В таких местах три мили – приятная прогулка».

В его английской речи отчетливо звучит иноземный акцент. Вивиан моментально поворачивается к Владимиру. Он все еще дружелюбно усмехается. Непроизвольно она обращает впервые внимание на пейзаж. Да, здесь и впрямь много цветов. Поют птицы. Мягкий ветерок шевелит листву деревьев. И верно, ласковый денек. Она смотрит на Владимира, а он уже удаляется, шагая по дороге.

Вивиан: «Все-таки путешествовать пешком не столь приятно».

Владимир оборачивается.

Вивиан: «Идти три мили среди угольных разработок невесело и грязновато».

Владимир: «Мой отец был шахтером-угольщиком. Тяжелый труд, но благородный. Правильно?»

Вивиан подходит к нему настороженно, но чувствуя странное излучение от этого странно говорящего человека.

Вивиан: «Что же благородного в угледобыче?»

Владимир: «Уголь согревает, например, людей во время суровой зимы. Это ли не благородно?»

Вивиан подступает к нему, ощущая сильнее странное волнение.

Вивиан: «Никогда не думала об угле таким образом... Вы направляетесь в Волкан?»

Владимир: «Да, в город Волкан штата Западная Вирджиния»,
Вивиан: «Волкан вообще-то не город...»
Она стоит рядом с ним. По его глазам она догадывается, что нравится ему. Владимир вновь улыбается.
Вивиан: «Вы русский?»
Владимир: «Да. Меня выдал акцент?»
Он не скрывает удовольствия от встречи с нею.
Вивиан: «Значит, вы Владимир Андронов!»
Владимир: «Сознаюсь в этом».
Вивиан: «Где же ваш эскорт? Ваша свита? Предпочитаете дешевый автобус?»
Владимир: «А вы одна олицетворяете городской комитет по приему гостей?»
Вивиан: «Вроде того».
Она указывает ему на «мерседес».
Владимир: «Прежде всего я хотел бы повидать мистера Спенсера и осмотреть мост».
Вивиан: «Меня зовут Вивиан Спенсер. Мой отец...»
Владимир: «Джеймс Джозеф Спенсер – примечательный человек. Смелый и дальновидный! Бросивший вызов собственному правительству ради блага земляков...»
Вивиан: «Он скончался, мистер Андронов. Мой отец мертв».
Владимир: «Простите меня, уважаемая леди. Я не слышу больше пения птиц».
Он целует ей руку. Она растрогана. Она надеется, что он искренен и честен. Он ей симпатичен. Они усаживаются в «мерседес» и едут лабиринтом окольных дорог к Волкану.

Как это было на деле

Описанные выше киносцены – плод голливудского вымысла. За исключением лишь жизненно достоверного факта: обитатели Волкана пригласили к ним приехать советского газетчика по фамилии Андронов. Но однофамилец голливудского персонажа не обладает ни фотогеничной внешностью, ни высоким ростом, ни импозантностью. Он среднего роста, щуплый, немолодой, поседевший, близорукий. Носит очки. Женат и не флиртует с иностранными леди. Таковы реальные факты.

Вымышлен в Голливуде и меценат Волкана по имени Джеймс Спенсер. Вымышлена его сентиментальная дочь Вивиан. Нет среди

жителей Волкана и прототипов священника Свэна или престарелой Мэри Лоу. Вместо них обитают там другие люди нелегкой трудовой судьбы, которая свела меня случайно с ними и сдружила.

Что же касается мэра Волкана, то он, как я уже упоминал, не был копией голливудского мачо. Джон Робинет ни манерами, ни физиономией, ни осанкой не походил на облеченного властью провинциального босса. Робинет невысок ростом, тщедушен, бледен. Серые смысленные глаза – доброжелательные и усталые, окруженные сетью морщин. Он выглядит лет на десять старше своих пятидесяти. На нем застиранная непритязательная одежда. Говорит негромко, застенчиво.

Сначала я думал, что Робинет стусевался с непривычки от обилия обступивших нас напористых репортеров. Но позднее газетчик Дэвид Хесс, приехавший из Вашингтона, разъяснил в своем репортаже нервозность мэра Робинета: «В окрестностях Волкана кто-то распустил черный слух, что Робинет «подыгрывает коммунистам». Поблизости в Мэтеване даже угрожали по радио, что если русские построят мост, то его затем взорвут. Один из приятелей Робинета шуточно рассказывал о нем: «Джон нервничал, как беременная обезьяна на подломленной ветке». Сам Робинет признался: «Я был ужасно перепуган. Я не мог есть, спать, толково разговаривать. Я боялся, как бы не подстроили чего-нибудь плохого русскому журналисту». Однако большинство жителей Волкана одобрили приезд русского. А он своим поведением тоже успокоил нервы Робинета».

Но вернемся к первым минутам знакомства в Уильямсоне с мэром Робинетом.

В сопровождении репортеров он подвел меня к миниатюрному пикапу-вездеходу и сказал, что машину одолжил ему друг, чтобы привезти гостя в Волкан. Робинет промолвил:

– У меня своей машины нет.

– Верно, вы не получаете жалование мэра?

– Да, я выполняю обязанности мэра безвозмездно. Жителям Волкана не по карману содержать мэра.

– Кто же живет у вас в поселке?

– Всего две сотни шахтеров, их домочадцев, стариков-пенсионеров. Я же сдельно ремонтирую автомашины. Еще подрабатываю составлением для соседей разных юридических справок, документов, прошений. Отстаиваю в судах иски и ходатайства обитателей нашего поселка. За это мне дают кто три доллара, кто

пять. А был я в прошлом шахтером, слесарем, чернорабочим. Попал в автомобильную аварию. Утратил частично трудоспособность. И больше не смог устроиться на постоянную работу. Мэром стал потому, что длительно хлопотал о строительстве дороги к Волкану и моста через реку. Без этого поселок обречен на гибель. Без моста Волкан, как говорят у нас, «хвост от ничего».

– Почему вы обратились к Советскому Союзу?

– Это наша последняя надежда. Мы просим уже три года построить нам мост. Обивали пороги чинуш вплоть до губернатора штата, но все зря. Я воззвал к милосердию президента Соединенных Штатов, но из Белого дома получил тоже письменный отказ. Наплевать нашим властям на жизнь простого люда! Они только распинаются о правах человека, а сами ничего для нас не делают!

Мы с Робинетом сели в пикап, а журналисты бросились к своим автомобилям. Отбыли из Уильямсона караваном в десяток машин. Проехали к югу миль двадцать по сносной дороге. Потом Робинет свернул к самому краю обрывистого берега речки Таг. От берега метрах в тридцати вздымались гранитной стеною гигантские скалы. Между ними и рекой по узкому карнизу берега тянулась железнодорожная одноколейка. А параллельно ей, но со стороны речного обрыва, шла размытая дождями проезжая тропа. На нее-то Робинет и вывел вездеход, прижимая машину к рельсам одноколейки.

– Тут ходят эшелоны с углем, – тревожно пояснил Робинет. – Если заезаемся, то поезд налетит сзади и сшибет нас в реку. Но и без того тропа всегда скользкая, и машины часто падают вниз.

– А далеко до Волкана?

– Две мили.

– Значит, проехать к вам все же можно?

– Нельзя, – отрицательно мотнул головой мэр. – Запрещено. Сейчас сами убедитесь.

Метров через двести стоял столбик с прибитой к нему фанеркой, на которой я прочел: «Проезд воспрещен. Частная собственность Норт Уэстерн».

Робинет прокомментировал:

– И меня и вас могут арестовать за нарушение права собственности железнодорожной компании Норт Уэстерн. Ей принадлежит одноколейка и земля до обрыва над рекой. А мы с вами – злостные нарушители наиважнейшего американского закона. Частная собственность священна. Одноколейка проходит через Волкан, но жители не могут пользоваться ни ею, ни тропой.

Мэр рассказал, как по этой самой «запретной тропе» люди из поселка пробираются нелегально за продуктами, потому что в Волкане нет продовольственной лавки. И медпункта тоже нет, а когда кто-нибудь серьезно заболевает, то помочь человеку чрезвычайно трудно: сюда везти врача надо тайно, а на это не всякий доктор согласится. Да и риск велик: то ли поезд скovyрнет машину в реку, то ли автомобиль сам туда свалится. А так как и школы в Волкане нет, то детвору отправляют на уроки в соседнее селение по той же опасной тропе. От страха за детей в непогоду матери держат ребятишек дома. Пусть останется, мол, ребенок полуграмотным, но зато живым.

До Волкана мы доехали без неприятностей. На плоском участке речного берега я увидел россыпь одноэтажных щитовых домиков и малогабаритных бараков, рассчитанных на одну семью. Такие хрупкие и легкие бараки называют в Америке «трейлерами»: их грузят на прицепы автотягачей и перевозят куда угодно. А здесь в поселке их перетаскивают с места на место во время частых наводнений. Из-за яростного нрава горной речки везде в Волкане хлопает под ногами непросыхающая слякоть. Строения расставлены как попало, и ни одной улицы вообще нет. Поселок притиснут рекою к железнодорожному полотну, а за ним бугрятся сопки. Там на одном пригорке придулилось поселковое кладбище. Указав на него, Робинет обернулся к сопровождающим нас репортерам:

– Приходилось ли вам хоронить близкого человека, пропихивая почти ползком его гроб под вагонетками с углем? Почему человека лишили даже права на достойные похороны?

Мэр повел нас к своему жилищу – хлипкому дощатому трейлеру. Перед входом в него зеленела по-болотному большая лужа. Рядом на шесте висел звездно-полосатый американский флаг. Под ним два шелудивых блохастых пса терлись спинами, чесались и лениво тьякали.

Внутри барака стояла убогая мебелишка – обшарпанный шаткий стол, разномастные потрескавшиеся стулья, кособокая кушетка. На стене – картинка с изображением убитого президента Кеннеди. На тумбочке – томик библии. К раме окна была приколота искусственная гвоздика, алеющая сейчас у меня на подоконнике в Москве.

Заполнившие барак репортеры наперебой забрасывали мэра вопросами. Он повторял:

– Моя цель – выручить односельчан из беды. Наша страна богата, но власти не захотели нам помочь. Мы тут долго мучились и униженно просили власти пожалеть нас. Я лояльный гражданин и патри-

от. Я люблю свою страну и предан ей абсолютно. Если понадобится, я пожертвую жизнью за свободу и честь нашего народа. Но теперь я утратил веру в наше правительство. Оно же клянется, что отстаивает права простых людей – в отличие от русских коммунистов. Так давайте и это проверим! До сего дня в нашем захолустье мы не встречались с русскими. Но слышали, что они помогают чужим нуждающимся нациям строить дороги, мосты, плотины, заводы. И мы будем им вечно благодарны, если они подсобят рабочему люду в Волкане построить незамысловатый 70-метровый мост. Пора проучить наших бездушных политиканов!

Весь вечер и полночи в трейлере мэра трезвонил телефон. У нас с Робинетом беспрестанно требовали интервью редакторы газет, радио и телестудий со всех концов США. Америка вспомнила наконец о забытом на ее задворках безвестном поселке. И лишь тогда, как черствая мачеха, заметила пасынка, когда он осмелился поведать о своих горестях далекой Москве. Это вызвало удивление, и досаду, и стыд, и болезненную самокритику, и попреки властям. Сутки из аппалачского Волкана фонтанировало в эфир и на страницы газет подлинное словоизвержение.

Припоминая тогдашнюю суматоху, я перебираю ныне дома стопку вырезок из нью-йоркских, вашингтонских и прочих газет и журналов с корреспонденциями о небывалом поступке мэра Волкана. За одну ночь его имя прогремело по Соединенным Штатам, Канаде, Западной Европе, а утром он проснулся новоиспеченной знаменитостью. Издающаяся в Хантингтоне газета «Геральд-диспетч» сложила даже о Робинете сказку для взрослых:

«Жил-был однажды на окраине Западной Вирджинии в деревеньке Волкан очень бедный и добренький мэр. Он прозябал холостяком в прохудившемся трейлере на курьих ножках, так как наводнение слизнуло начисто его прежний домик. Унесла река и мостик возле его жилья. А мэр принялся мечтать, как бы построить опять мостик. Он постоянно мечтал о мостике. Но его сочли вздорным мечтателем все солидные господа. И тогда он стал даже мечтать об иностранной помощи из России. Он так усиленно о том мечтал, что как-то раз – бах! трах! бум! – русский журналист возник перед ним, дабы посодествовать претворению его мечтаний в жизнь. Неплохое начало для сказки? Она, однако, началась вчера наяву в Волкане. Да только у этой сказочки нет еще конца. А когда ему настанет час, то изменится ли что-либо в Волкане благодаря визиту красного русско-

го? Или нет? Получит ли деревенька на речке Таг новый мост или лишь новые обещания?»

Продолжение киносказки

Ну что же, после иронической присказки «Геральд-диспетч» вполне кстати позабавить снова читателя прерванной голливудской киносказкой «Мост для Волкана». И сличить, чем заморские сказки не похожи на быль. Но я, простите, слишком заболтался: из кожаной обложки американского сценария уже вынырнул – Бух! Трах! Бум! – мой сказочный однофамилец-жуир вместе с обворожительной мисс Вивиан в шикарном красном «мерседесе». Приготовьтесь к мелодраме. Начало! Кадр!

В кадре – «мерседес» едет медленно по заросшей бурьяном грунтовой дороге, которая утыкается на речном откосе в руины моста. Искореженные обрубки его скелета, как всегда, темнеют мрачно над голубой стремниной вод. Машина останавливается. Из нее выходят Владимир и Вивиан. Она молча указывает ему на останки моста. Владимир, взглянув небрежно на мост, смотрит на Вивиан.

Вивиан: «Каково же ваше мнение?»

Владимир: «Я полагаю, что вы очаровательны».

Вивиан сварливо: «Я спросила вас о мосте».

Владимир: «Я понял это. Но мост – всего лишь мост. А вот такие люди, как вы, ваш отец...»

Вивиан: «Мой отец! Я же говорила вам уже по дороге сюда, что мой отец, обратившись к вашему правительству, хотел, несомненно, устыдить наши власти... От них он не смог добиться помощи, и потому он...»

Владимир: «Он превыше всего заботился о бедных людях. И вы тоже теперь...»

Вивиан: «Нет! Меня это не касается. Послушайте, мистер Андронов, я пробуду здесь только несколько дней! Улажу дела с отцовским наследством и уеду. Я живу в Лос-Анджелесе! Там моя работа. Там моя жизнь!»

Владимир: «Что же будет здесь с близкими вам людьми?»

Вивиан: «Да они мне ничуть не близкие! Во всем округе я почти никого не знаю. Я не была тут двадцать один... очень долго! С тех дней, как окончила школу».

Владимир: «Мне сорок шесть».

Вивиан: «Ну и что? Какое это имеет отношение к мосту? Или желаете услышать от меня, что вы выглядите моложе вашего возраста?»

Владимир: «Вам тридцать восемь. А выглядите вы гораздо моложе вашего возраста».

Вивиан не может сдерживать улыбки. Они стоят совсем рядом, говорят вроде бы о мосте, но истинный подтекст их слов ясен обоим. У мертвого, истлевшего моста – живые Мужчина и Женщина, которых влечет друг к другу.

Вивиан: «Вы хотели, мистер Андронов, осмотреть мост. И уже завершили, кажется, ваше так называемое «предварительное ознакомление?»

Владимир: «Да, сегодня мне больше нечем у вас заняться».

Вивиан: «Вот как? Я думала, что вы после нелегкой дороги расположитесь на отдых, захотите принять душ...»

Владимир: «Не откажусь, конечно, если предложат».

Только сейчас Вивиан осознает, что означает это. В смятении она смотрит на Владимира. Он улыбается. Она смущена, но тем не менее...

В кадре – дом Спенсеров. Вивиан ведет Владимира по холлу к лестнице наверх. Он несет саквояж.

Вивиан: «Наверху первая комната слева – ванная. Справа – ваша спальня».

Владимир: «Простите, если бы в поселке была гостиница...»

Вивиан: «Ее нет. До ближайшей – тридцать миль. Не извиняйтесь. Все в порядке».

Владимир: «Но в таком маленьком городе, как Волкан, молодая женщина и мужчина под одной крышей...»

Вивиан: «Челуха. На исходе XX век, а не девятнадцатый».

Владимир поднимается по лестнице, поглядывая на Вивиан и улыбаясь. Она задумчиво уходит в гостиную.

В кадре – кухня. Вивиан готовит ужин. Она стоит у плиты, размешивает что-то в кастрюльке, сыплет туда зеленый горошек из консервной банки. Стряпня пахнет неаппетитно. Вивиан морщится с отвращением. Владимир появляется в дверях кухни. Молча смотрит на Вивиан. Она чувствует его присутствие и поворачивается к нему.

Вивиан: «Боюсь, что мое угощение не будет первоклассным. Отыскала тут лишь старые консервы».

Владимир: «Ваш отец, видимо, не был гурманом».

- Он подходит к плите, заглядывает в кастрюлю.
- Владимир: «Как далеко ближайший ресторан?»
- Она гасит конфорки на плите.
- В кадре – сарай, оборудованный под закусочную для водителей грузовиков. У стойки шоферы торопливо жуют бутерброды. Никелированный ящик хрипло извергает джаз. Вивиан и Владимир сидят за отдельным столиком. Владимир озирается с критической миной.
- Владимир: «И это все, что есть поблизости?»
- Вивиан: «Ничего иного до Чарльстона, столицы штата. Между прочим, я считала, что вы не прочь отпробовать пищу среднего американца. Простого человека».
- Владимир: «О, да».
- Вивиан: «Вы, оказывается, не такой, как я предполагала. Мне не приходилось еще встречать коммуниста с партбилетом».
- Владимир: «Ожидали, что я совершенно не такой, как вы?»
- Вивиан: «Ну, не совершенно...»
- Владимир: «Когда американец приглашает привлекательную леди поужинать, то разве он ведет ее в подобное заведение?»
- Вивиан: «Маловероятно, но...»
- Владимир: «И в России для таких случаев выбирают место, где подают хорошее вино и играют хорошие музыканты. Совершенно не так, как у вас?»
- Вивиан: «Нет. Извините».
- К ним подходит вразвалку неопрятная официантка, мусолит испачканной тряпкой столик, шлепает на него помятое меню.
- Владимир: «Что заказать вы порекомендуете лично?»
- Официантка ошарашенно: «Порекомендовать?»
- Владимир: «Если бы вы пришли сюда с дружкойм, то что заказали бы?»
- Официантка: «Хи-хи. Я бы тогда, честно говоря, порекомендовала смыться отсюда. Но коли уж вы здесь, то возьмите свинину на ребрах».
- Владимир смотрит на Вивиан. Она пожимает плечами, кивает. Владимир переводит взгляд на официантку. Та взирает на него игриво.
- Владимир: «Мы целиком в ваших руках».
- Официантка: «Скажу по секрету, не ешьте нашего картофельно-пюре. Подам вам свинину с бобами. И пива?»
- Владимир: «Замечательно».

Официантка подмигивает ему заговорщицки и удаляется, колыхая толстыми бедрами.

Вивиан: «Вы обходительны».

Владимир: «Точнее, вежлив».

Вивиан: «Вы дипломат?»

Владимир: «Я не связан официально с моим правительством. Я журналист».

Вивиан: «Ха, журналист!»

Она явно не верит ему. ←

Владимир: «Я пишу статьи для русских газет и журналов. А теперь опишу историю с вашим мостом... Кроме того, меня командировал в Волкан наш «Фонд мира».

Вивиан: «Ловко придумано».

Владимир: «Меня попросили установить, нужна ли вам всерьез помощь «Фонда мира».

Вивиан: «Выходит, вы ведете расследование?»

Владимир: «Мне надлежало выяснить, правдиво ли письмо вашего отца или нет».

Вивиан: «Вот оно что! Расследование! Или шпионаж?»

Владимир: «Письмо вашего отца требовало расследования. Так же поступило бы и ваше правительство. Мое начальство не хотело бы оконфузиться, если бы письмо оказалось розыгрышем».

Вивиан: «Вы специалист по части иностранных интриг?»

Владимир: «Насмотрелся всякого... А почему вы не замужем?»

Вивиан: «Что?»

Владимир: «Вы красивая и умная женщина. Полемизировать с вами – наслаждение».

Пауза. Вивиан порывается высмеять комплименты Владимира, но не находит слов.

Вивиан: «Ведь мы говорили о мосте!»

Владимир: «Я думал все время о вас».

В этот момент возвращается официантка с тарелками в руках. Она интуитивно распознает смысл происходящего. И тихо отходит.

В кадре – снова кухня. Утром следующего дня Вивиан готовит завтрак. На подставке у плиты разложены свежие продукты. Стол сервирован на двоих. Входит Владимир.

Владимир: «Доброе утро! Что же вы не разбудили меня?»

Вивиан: «Вы похрапывали так мирно».

Владимир: «Было слышно сквозь дверь?»

Вивиан: «Я подумала, что так храпят, наверное, речные шкипера на вашей Волге, По-русски».

Владимир: «Когда со мной кто-нибудь рядом, то я похрапываю по-французски».

Вивиан: «Ваша жена – языковед?»

Владимир: «Она научный сотрудник одного института в Новгороде».

Вивиан: «А я неплохая стряпуха, когда есть из чего готовить. Сегодня – ветчина и яйца».

Владимир: «Моя супруга тоже искусная повариха. Но у нас с ней сложилось так, что мы все реже видимся».

Вивиан: «А дети?»

Владимир: «Их двое. Оба уже почти взрослые. Что еще обо мне интересует вас?»

Вивиан: «В каком виде вы предпочитаете яйца – на сковородке, крутые, всмятку?»

Владимир: «Все равно как, но с вами».

Они смеются и завтракают.

В кадре – по улице Волкана идут Вивиан и Владимир.

Вивиан: «Что дальше?»

Владимир: «Мне надо потолковать с жителями поселка. Об их проблемах, делах, надеждах. Услышать от них лично, почему двухлетние хлопоты вашего отца о восстановлении моста были безрезультатны. Мне нужна для статьи информация из первых уст».

Вивиан: «Достаточно будет этой статьи, чтобы ваши власти решили – построить тут мост или нет?»

Владимир: «Решать предстоит «Фонду мира». Но на основании пожеланий и просьб ваших земляков».

Навстречу им по улице бредет старик. К нему подходит Владимир, здоровается, разговаривает. Потом он останавливает других прохожих – домохозяйку, молодого шахтера, пожилого фермера, трех подростков. Эти встречи затягиваются на несколько часов, и солнце уже клонится к закату, когда Владимир и Вивиан, оставшись опять вдвоем, подходят к разрушенному мосту. Владимир и уставшая Вивиан смотрят на развалины.

Вивиан: «Да или нет?»

Владимир смотрит на нее вопросительно.

Вивиан: «Будете ли вы рекомендовать вашим построить мост или не будете?»

Владимир: «Буду».

Вивиан: «С этим, значит, покончено. В конце недели я возвращаюсь в Калифорнию».

Владимир придвигается к ней, берет ее за плечи, притягивает к себе. Она не отстраняется, но и не тянется к нему.

Владимир: «Я счастлив. Нам хорошо вместе. Почему же вы, входя в дом, закрываете дверь вашей комнаты?»

Вивиан: «Иногда мне хочется открыть ее».

Владимир целует Вивиан. Она не отстраняется. Приподнимает руку обнять его и сразу же опускает. Он огорченно отступает от нее.

Владимир: «Вы опять захлопнули дверь».

Вивиан: «С детства я запомнила старинную песенку здешних горцев-лесорубов. Они поют: «Мы с тобою, милая, в разных двух мирах. Твоя жизнь красивая. Я мыкаюсь в горах».

Владимир: «Я думал, что вы поняли – оба мира не столь уж разные...»

Вивиан: «Я связана с одним человеком в Лос-Анджелесе».

Владимир: «Он собирается жениться на вас?»

Вивиан: «Мы жили с ним то совместно, то порознь. Попытаемся, быть может, испробовать супружество».

Владимир: «Я уже попытался раз, но неудачно. И только теперь...»

Вивиан смотрит на него. Она ожидает, что он спустя минуту примется, как обычно, шутить и посмеиваться. Но он серьезен.

Вивиан: «Я не оставила мою дверь открытой, так как не знала, смогу ли потом ее опять закрыть».

Позади них вечернее солнце закатывается за гребни гор. Сумерки окутывают обломки моста и нечеткие силуэты двух людей.

В кадре – зал, некогда спортивный, а ныне танцевальный по праздникам. Оркестранты наяривают простонародный джаз. Пляшут девушки, парни и почтенные сельчане. Их незамысловатые па Вивиан демонстрирует Владимиру, а он быстро их усваивает. Вивиан и Владимир танцуют самозабвенно. Он в джинсах и клетчатой рубаше, как и местные жители. Он мастерски управляет партнершей, крутит ее, вращает, подхватывает. Потом начинает импровизировать на русский народный манер. Остальные танцоры расступаются и восторженно наблюдают. Владимир с его послушной напарницей проносятся по залу то вихрем, то плавно, то отбивают искрометную дробь каблукими. Музыка смолкает. Зрители щедро аплодируют. Владимир

и Вивиан, держась за руки, весело раскланиваются. Мужчины обступают Владимира, поздравляют, похлопывают его по спине.

Голоса: «Здорово!.. Вот это танец!.. Русский стиль!.. Bravo!.. Еще, еще!.. Покажите мне русские приемы... Держу пари, что он из русского балета!»

Владимир: «Благодарю! Но я не профессиональный танцор...»

Музыканты тоже приветствуют его, и он подходит к ним.

Владимир: «Могу ли я...»

Шеф оркестра: «Тихо! Послушайте мистера Владимира!»

Владимир: «Спасибо. Благодарю за ваше гостеприимство и дружелюбие!»

Новый взрыв аплодисментов.

Владимир: «Я был мальчуганом во время войны, но мой отец рассказывал мне о товарищеской дружбе с американцами, которых он повстречал в Германии после разгрома нацистов...»

Поощрительные возгласы.

Владимир: «Потом отношения между нашими странами испортились... Но сейчас, благодаря замечательной инициативе вашего сородича мистера Спенсера и его дочери... Мы сделаем, возможно, шаг на пути к тому, чем так дорожил мой отец.»

Аплодисменты.

Владимир: «И в этот вечер в знак моей благодарности вам...»

Он просит у оркестранта скрипку. Начинает играть. Раздаются магические звуки: старая русская классика – огненная, романтическая, страстная. Слушатели околдованы. Двое стариков берутся за руки. Парень перестает терзать зубами жевательную резинку. Глаза Вивиан увлажнены. А скрипка волшебным образом поет о чем-то божественно прекрасном, о счастье, неге, любви. И это уже не кажется Вивиан, как ранее, немислимым.

Владимир опускает скрипку. Молчание. И гром оваций. Люди окружают Владимира, обнимают его, загораживают от Вивиан. Улыбаясь, она отходит в сторону от толчеи. Ее лицо преображено как бы внутренним светом.

В кадре – дом Спенсеров. В полутемной комнате – Вивиан и Владимир. Он гасит сигарету, обнимает Вивиан.

Владимир: «Я люблю тебя».

Вивиан: «И я люблю тебя. Но запах этих ужасных сигарет...»

Владимир: «Русские сигареты не вызывают рака. Хотя они могут непривычного к ним задушить насмерть. Я люблю тебя».

Вивиан: «Скажи это по-русски».

Владимир по-русски: «Я люблю тебя».

Вивиан: «Пожалуйста, и по-китайски...»

Негромкий смех замирает. Комната погружается во тьму.

В кадре – спальня Вивиан. Лунная ночь. Вивиан спит одна. Сквозь сон ей слышится отдаленное завывание полицейской сирены. Вивиан раскрывает глаза. Проводит рукой возле себя по постели. Никого. Вой сирены нарастает.

Вивиан: «Владимир? Милый?»

Ответа нет. Вивиан накидывает халат, подходит к окну. Рев сирены усиливается.

Вивиан спускается по лестнице в холл, открывает дверь на улицу. Видит неподалеку Владимира. Он успел надеть костюм. Стоит спиной к Вивиан. А по улице движется колонна автомобилей. Впереди – полицейская машина с включенной на полную мощь сиреной. Разбуженные жители выбегают из своих домиков.

Вивиан: «Владимир! Владимир!»

Он не слышит ее. На улице высыпали полуодетые, заспанные, кричащие люди. Они показывают друг другу на вереницу машин. Это военные джипы! В передовом автомобиле – американские солдаты с карабинами. В остальных джипах – иноземные солдаты в зеленых фуражках с пятиконечными красными звездами. Это саперы русских инженерных войск! Владимир вскидывает руку, саперы ему салютуют и помогают вскочить в их головной джип...

Отверженные

Стоп! Антракт. Как было обещано, читатель позабавился и сейчас, очевидно, снисходительно ухмыляется: жаркая любовь голливудски, горячие объятия, бесшабашные пляски и ночные лобзания с привкусом крепких сигарет вдруг увенчались цирковым десантом русских саперов в американских Аппалачах! Потешная выдумка? Балаганный аттракцион? Безобидная кинооперетка? Да нет. Голливудский сценарий выставляет на авансцену советских солдат вовсе не ради смеха.

И вовсе не ради красного словца по поводу визита настоящего московского газетчика в Волкан местная газета восклицала: «Русские идут!» И не случайно о том же столичная «Вашингтон стар» начинала свой репортаж с аналогичного давнего пароля антисоветской

истерии: «Русские идут! Русские идут!» И тоже неспроста мой однофамилец-сердцеед из Голливуда не сумел полностью охмурить бдительную мисс Спенсер, которая заподозрила его в шпионаже. А он вконец себя разоблачил, когда ночью ускользнул от спящей возлюбленной, натянул тихо костюмчик, зная загодя о приближении русских войск, и стремглав бросился к ним, чтобы нахально возглавить их блицпоход в Волкан. Хоть эта сказочка – вздор, да в ней, как говорится, намек – добрым молодцам урок. То бишь киноурок американскому обывателю.

А в действительности вломились бесцеремонно в Волкан и переполошили поселок не русские солдаты, а нахрапистые репортеры американской прессы. Они за полночь слонялись шумной ватагой от дома к дому, стучали в окна и двери, выпытывали отношение жителей к затее мэра с мостом, околачивались в бараке Робинета. Ему и мне удалось задремать лишь перед рассветом. Утром же мы пошли к мосту.

На речном берегу уже поджидали нас спозаранку десятка три женщин и мужчин деревенского обличья. Я поздоровался с ними, а они, сдержанно ответив, рассматривали меня с нескрываемо жадным любопытством и одновременно с опаской. Еще бы! Диковинней невиданного «снежного человека» был для них, как марсианин, русский газетчик. При виде его они невольно оцепенели и настороженно сдвинулись плотнее. Из их онемевшей толпы выкатился навстречу мне лишь маленький бойкий мальчишка:

– Вы, сэр, взаправду русский?

– Да, милорд. А ты стопроцентный янки?

– Мамми! – взвизгнул карапуз. – Я стопроцентный?

В толпе засмеялись. Лед отчужденности был сломан. Мэр провозгласил:

– Давайте вместе покажем ему наш поломанный мост!

Мы гурьбой вступили на речной обрыв, заросший диким бурьяном. В гуще сорняка горбились покрытые мхом четыре цементные глыбы. Это все, что осталось от береговых опор рухнувшего в реку старого моста. Обитатели поселка наперебой объясняли мне, что их мост был пешеходным, канатным и простоял здесь более полувека. За этот срок он катастрофически обветшал от ливней, ураганов и наводнений, подмывавших под ним речной откос. А местные власти не ассигновали ни доллара на ремонт моста. Его кустарно чинили сами сельчане, подпирали бревнами, скрепляли проволокой и веревками, но залатанный кое-как мост продолжал расползаться. И в половодье

три года назад рухнул в речку Таг. С той поры они впустую выпрашивают аварийную помощь у властей Западной Вирджинии.

Робинет и его соседи подавленно сгрудились у останков их исчезнувшего моста. За неширокой горной рекой на противоположном берегу виднелась асфальтированная дорога. По ней проскальзывали легковые машины и грузовики. Там между шоссе и рекою теснились барачные домики. От них до нас расстояние было примерно метров шестьдесят. Но на том берегу по крайней мере люди жили без каждодневного страха перед отправкой детей в школу, без паники могли вызвать врача к захворавшему сородичу, не пробирались украдкой за продуктами по запретной для них тропе, не падали с нее в реку. А возле меня хмуро стояли изгои самого процветающего капиталистического государства. Там, за рекою, и здесь, в поселке-мышеловке, была одна и та же земля, одна и та же социальная система, одна и та же страна – Соединенные Штаты Америки.

Робинет принялся знакомить меня с односельчанами. Один из них – пожилой шахтер Уильям Маунтс – приковылял на костылях к берегу. Маунтс стал инвалидом после обвала в шахте. А до того был вместе с мэром неустанным ходяком по кабинетам здешних чиновных вельмож, которых тщетно уговаривал восстановить мост для населения Волкана. Маунтс сказал:

– Теперь, на костылях, я уже не могу слоняться по резиденциям наших правителей. Да и не вижу больше проку в мольбах к властям. Мой друг Джон разумно сделал, что вас пригласил. Мы одобряем, что Джон пожаловался русским. У людей ожила угасшая надежда на новый мост.

К нему присоединилась преклонных лет домохозяйка Мира Холли:

– Очень хорошо, что вы приехали. А то ведь нашим сетованиям никто не внемлет. Если бы вы знали, как плачут наши женщины, отправляя детвору в школу! На этом дьявольском пути вдоль железной дороги недавно попала под поезд девочка Мэри Аллес. Ее мать от горя померла, а когда она была при смерти, то мы не могли дозваться сюда доктора. У нас двое мужчин сорвались с откоса в реку и утонули. И такое происходит не впервые. Кого еще нам придется хоронить?

В разговор вмешалась молодая крепильщица с угольной шахты – рыжекудрая и миловидная Линда Мэнн:

– Два раза в сутки я пробираюсь из Волкана на шахту и обратно. Однажды в дождь я поскользнулась на прибрежной тропе, упала

вниз с обрыва, но успела ухватиться за куст и только потому не утонула. Река у нас горная, вода ледяная, в ней вмиг ооченеешь. Мы поддерживаем действия мэра. Он старается сейчас выручить поселок с вашей помощью. Просим вас – посочувствуйте нам...

С реки мы направились опять к бараку Робинета. Туда набилась уйма народу – и стар, и млад. Дети вели себя смиренно, глядя любознательно на заокеанского гостя. Взрослые пили чай с галетами. Мэр показывал мне разукрашенные гербовыми печатями ответные письма ему губернатора штата и президента США с изысканно вежливыми отказами заново отстроить рассыпавшийся мост. Здоровенный богатырь-шахтер Оскар Холли гневно рассказывал:

– Моя сестра Мира, я и еще семеро обошли все учреждения штата, разнося наши поселковые петиции о постройке нового моста. Трижды мы добивались приема у прежнего губернатора Арча Мура. Потом поехали опять в столицу штата к нынешнему губернатору Джею Рокфеллеру, а он распорядился нас прогнать. И сам президент не пожелал за нас заступиться. Кого же еще просить? Верно наш мэр сообразил обратиться к русским рабочим, к их правительству!

Почтальонша Филлис Бленкеншип добавила:

– Помню, как нас надул губернатор Мур. Мы пробилась к нему вдвоем делегацией от Волкана. Губернатор нас выслушал, обласкал, обнадежил. В нашем присутствии он схватился за телефон и рявкнул кому-то: «Я приказываю построить этот мост немедленно!» Мы ушли от него успокоенные и довольные. Добились своего! А он нас обманул, обжулил. Ничего по телефону никому не приказывал, а только разыграл перед нами обманый трюк. Уловки и отказы властей нам осточертели. Не от хорошей жизни просим русских о помощи, а с отчаяния.

Когда посетители мэра разошлись, он позволил мне расположиться в отдельной каморке его барака, где я принялся записывать в блокнот все увиденное и услышанное. Делая наскоро заметки, я услышал из-за перегородки металлические щелчки. Выглянул из своего закутка и увидел Робинета у стола перед пишущей машинкой. Он неумело тыкал двумя пальцами по неподатливым клавишам. Поворотившись ко мне, вымолвил:

– Хочу отправить письмо в Москву. Сдается мне, что мою телеграмму в Россию здесь перехватили и не отослали. Она была, впрочем, слишком лаконичной, чтобы уяснить, почему наш последний шанс – русская помощь. Пытаюсь это описать. Но вразумительно не

получается. Как объяснить русским, чтобы они поняли? Можете помочь?

— Не могу, — ответил я. — Такое письмо полагается составить вам целиком самостоятельно. Тут мне вступать никак нельзя.

— Да ведь я плохой грамотей, — проворчал он. — Даже школы не закончил. И не знаю, какими словами разжалобить русских руководителей.

— А вы не мудрите, — сказал я. — Бесхитростные слова рабочего человека всегда понятны. ←

Я ушел от него за перегородку, и потом еще долго доносилось до моего слуха приглушенное тук-тук-тук.

Заглянул я к нему вновь и бесшумно отпрянул назад: он, отстукивая письмо и не замечая меня, утирал слезы. Вот такое нелегкое, стало быть, оказалось то послание. Судите сами:

«Москва. Кремль. Дорогому мистеру Брежневу.

Уважаемый Председатель Советского Союза, мое имя Джон Робинет. Я живу в американском штате Западная Вирджиния. Я бедный рабочий человек, а сейчас — безработный. Мой отец — шахтер-угольщик. Хочу сразу Вам сказать, что никогда не писал я таких писем, как это письмо к Вам, а потому, если можно, будьте ко мне снисходительны. У меня в жизни есть только одна забота — люди в общине, где я живу. Попытаюсь Вам объяснить, какая это община.

Мы очень бедные. Мы живем на берегу речки Таг. Вдоль нее проложена железнодорожная ветка. Мужчины из нашего поселка трудятся на окрестных шахтах. А чтобы от шахт до нас доехать, надо пробираться две мили вдоль железнодорожного полотна, но там путь нам закрыт владельцем железной дороги — компанией Норт Уэстерн. Все же мы пробираемся этим путем за едой, потому что нет у нас в поселке продуктовой лавки. Но даже возить еду и всякий скарб нам запретили. Компания расставила повсюду знаки: «Проход запрещен». И так вот возим незаконно наших детей в школу. А за врачом надо ехать 26 миль. Часто я дивлюсь: как это железнодорожная компания сумела забрать себе такую власть, что может даже жить людям запретить?

Я упрашиваю власти нашего штата: помогите построить дорогу или мост через речку для существования нашей общины. Писал я об этом и местным чиновникам, и самому президенту, а от них получал всегда один ответ: «Извините, нет на то для вас денег».

Поэтому ныне я умоляю Вас и трудовой люд Вашей страны, чтобы обсудили вы меж собой — нельзя ли как-то нам помочь? И не знаю

я, как правильно написать Вам об этом, и все же надеюсь, что Вы меня поймете. Обещал раньше наш прежний губернатор построить нам мост. Потом новый губернатор объявился и даже посулил он меня принять, но теперь к нему меня не допускают. Просил я также федеральные власти о подмоге, а они снова в ответ: «Извините, нет денег».

Да я же прошу не за себя, а ради наших детишек и стариков! Страшно они бедствуют. Если бы Вы приехали к нам, то сами все своими глазами увидели бы и сердцем почувствовали. Мне же описывать нашу жизнь непривычно, и я не знаю, какие слова подобрать. Скажу, однако, Вам и Вашему народу, что сердце мое кровью обливается, когда вижу, как люди у нас страдают и умирают. Что ж, бежать нам надо, выходит, отсюда? Да ведь здесь наш родной дом, где мы родились, выросли и собираемся в землю печь. Старики говорят: «Чем покидать наш край, так уж лучше пусть нам хоть сегодня тут ямы выроют и в них закопают». И денег у нас нет на переезды и обустройство на новом месте. Куда деться, к примеру, Полли Харли, ежели ей 94 года? Разрывается у меня душа. И другие жители так же мучаются. Плохо нам, очень плохо без моста.

Уповаю, что все это Вы разъясните своему трудовому народу, а он нас поймет. По всему миру много таких рабочих людей, и я сам один из них. Простите за корявый слог. Пишу от всего сердца, стараюсь затронуть Ваше сердце. Молю за наших людей, которых беспредельно люблю. На этом заканчиваю и желаю Вам, Вашему народу и моему народу жить вечно в мире и согласии.

От всей души
Джон Робинет
Западная Вирджиния, Волкан».

Завершив письмо, мэр позвал меня и начал вслух зачитывать написанное. Но до конца не успел прочесть: по входной двери барака заколотили кулаками. Это опять примчались американские репортеры. Они, хохоча, выкрикивали:

— Новости! Потрясающая новость! Радио и телевидение транслируют из Чарльстона пресс-конференцию тузов администрации Рокфеллера. Власти объявили, что экстренно построят новый мост для Волкана! Советуют русскому журналисту поскорее убраться восвояси!

Дальнейшее перескажу цитатами из американских газет. На следующее утро «Геральд-диспетч» сообщила:

«Как только весть о намерении нашего губернатора достигла Волкана, мэр Робинет напоказ сплюнул и заявил:

– Население моего поселка наслушалось сполна пустословных обещаний. Им мы не верим. И я поверю, быть может, только при неременном условии, что увижу подписанный губернатором официальный документ о строительстве моста».

Заглавный абзац депеши в «Нью-Йорк таймс» гласил:

«Находящийся в поселке Волкан русский журналист утверждает, что влиятельная сила советской прессы вынудила власти штата Западная Вирджиния помочь этому маленькому населенному пункту заполучить новый мост».

Столичная газета Западной Вирджинии «Санди Газетт-мейл» в репортаже из Волкана оповестила:

«В этой захудалой общине на юге Западной Вирджинии люди теперь узнали секрет, как для их блага международная политика способна разродиться иностранными мостостроителями. Один старожил Волкана вчера изрек:

– Если хочешь у нас добиться чего-либо от властей, то отныне надо, как я считаю, попросить об этом русских. Удостоверьтесь наглядно: мы зря упрашивали власти соорудить нам мост до того дня, как приехал сюда русский парень. А после этого наши власти вспомнили о нас: «Хотите мост? О'кей!»

Между тем тот русский в Волкане вчера посмеивался:

– Ну-ка разгадайте – почему внезапно посулили поселку новый мост?

Он выразил также удивление тем, что столь богатая страна, как Соединенные Штаты, обрекла некоторых своих граждан на жалкое прозябание. С Андроновым солидарна жительница поселка Лула Тайгарт. Она говорит:

– До приезда сюда этого русского мы безуспешно упрашивали свои власти построить нам мост. Сейчас они дали обещание. А все же я не верю, что они соорудят для Волкана мост. Ранее они уже это сулили во время предвыборных кампаний. И вновь пообещали из-за приезда русского. После его отбытия все останется, наверное, без перемен. Жаль, конечно. И еще прибавлю, что этот русский – отзывчивый и доброжелательный парень. Если бы было на свете побольше добрых людей, то жили бы все люди лучше.

Почтмейстерша Филлис Бленкеншип тоже сказала, что власти, обеспокоенные визитом Андропова, пообещали только по этой причине восстановить мост. Она рада такому исходу».

Однако мэр Робинет, расставаясь со мной, не радовался своей победе:

– Предвижу, что после вашего отъезда нас постараются одурачить. Не забывайте Волкан. Сообщите обо всем увиденном в Москву. А я туда pošлю свое письмо. Его копию сберегите на всякий случай. Что бы впредь ни произошло, нам не обойтись без вашей моральной поддержки.

Голливудский хэппи-энд

А теперь в преддверии моего эпилога – концовка голливудского сценария.

В кадре – едущие по Волкану русские саперы. Они помогают Владимиру вскочить в их головной джип. К нему подбегает Вивиан.

Вивиан: «Владимир! Что происходит? Откуда взялись эти солдаты?»

Владимир: «Товарищи, это мисс Вивиан Спенсер. Познакомься, Вивиан, с полковником Нестеровым. А это капитан Антокольский, товарищ Левитан, товарищ Суриков».

Вивиан: «Ничего не понимаю. Ты же еще не отослал в Москву отчет с твоими рекомендациями».

Владимир: «Но заранее было предусмотрено, что мой отчет должен содержать также техническую характеристику стройки нашими специалистами».

Солдаты по-русски: «Здравия желаем, прелестная сударыня! А нет ли у вас, го-го-го, сестрички?.. Экая, глянть, сдобная бабенка!»

Вивиан, уловив смысл солдатских реплик, запахивает потуже халат.

Владимир: «Извини, мне необходимо отлучиться. Позавтракай без меня. Позже я вернусь».

Вивиан: «Но как же? Я думала...»

Владимир: «Выпей побольше кофе! Это поможет!»

Джип уносит Владимира от Вивиан, русские саперы машут ей фуражками, шутовски пихают локтями друг друга и Владимира. Вивиан провожает взглядом громыхающую мимо нее автоколонну. Сбоку от машин вертятся ребятишки, счастливо вопя. Растревоженные жители стекаются к Вивиан.

Голоса: «Что стряслось?.. Это вторжение!.. Русские диверсанты!.. И китайцы, как я слышал, тоже надвигаются!.. Жуть!.. Они едут к мосту!.. Мисс Вивиан, что творится?»

Вивиан: «Не паникуйте! Все нормально».

Мужчина: «Они построят нам мост?»

Вивиан: «Откуда мне знать!»

Женщина: «Ваш отец был сведущ во всем...»

Вивиан: «И я разберусь. И растолкую вам. А пока утихомирьтесь! Все будет в порядке. Потерпите. Мне надо переодеться».

Она уходит в дом. Люди озабоченно смотрят ей вслед.

В кадре – речной откос у моста. Русские установили армейские палатки. Саперы обследуют предмостную площадку. Расставили геодезическое оборудование. Изучают местность через оптические приборы на треногах. Фотографируют. Обшаривают каждый клочок берега. Туда подкатывают все новые джипы. Американские полицейские сдерживают напор толп зевак. Среди русских расхаживает Владимир, разговаривает с ними на их языке, показывает им остатки старого моста.

Через толпу любопытствующих продирается с трудом Вивиан. Ее задерживают полицейские, и она спорит с ними ожесточенно. Подходят русские солдаты. Разгорается перебранка. Услышав галдеж, Владимир замечает Вивиан.

Владимир: «Эй, сержант, пропустите ее!»

Стоящий возле Владимира военный инженер Суриков подмаргивает ему насмешливо. Они подходят к Вивиан.

Вивиан: «Мне нужно, Владимир, поговорить с тобой наедине».

Владимир: «Изволь. Суриков не понимает английской речи».

Суриков догадливо: «Политика и мосты возникают и умирают! Но любовь извечна! Вы прекрасны, мисс, как восход солнца над морем».

Вивиан: «Что он сказал?»

Владимир переводит галантную тираду русского на английский.

Вивиан: «Мерси. Но мне надо поговорить с тобой без посторонних».

Сообразительный Суриков отходит в сторону.

Вивиан: «Они действительно построят мост?»

Владимир: «Да, но это займет некоторое время».

Вивиан: «Тогда тебе придется обходиться здесь без меня. Я должна вернуться в Лос-Анджелес. А тебя ждет твоя жена».

Владимир: «А если я останусь с тобой?»

Вивиан: «Не будем, Владимир, лгать друг другу».

Владимир: «Я не вру тебе. Мой брак распадается, как ваш мост».

Вивиан: «Нам с тобой быть вместе – невозможно. Это мираж. Самообман. Мне пора в Лос-Анджелес».

Владимир: «Ты честно этого хочешь?»

Вивиан отворачивается, чтобы он не видел ее лица.

Вивиан: «Да».

Он протягивает к ней руку, но она, отпрянув от него, уходит. Пересекает полицейский заслон.

Ей кричат из толпы: «Они построят мост? Мисс Вивиан, что они вам сказали? Когда начнут строительство?»

Не отвечая, она удаляется.

В кадре – Вивиан в ее доме спускается по лестнице, волоча тяжелый чемодан. И снова слышит близкий вой серены. Подходит к окну, раздвигает занавески. Видит подъехавший к дому черный лимузин с эскортом полицейских мотоциклистов. Из лимузина выбирают пятеро респектабельных джентльменов. Меж них Вивиан узнает губернатора Рокфеллера и его юридического консультанта Вейна.

В кадре – гостиная дома Спенсеров. На диване сидят Вивиан и губернатор. Перед ними нервно мечется по комнате Вейн. Трое секретарей Рокфеллера выжидающе стоят поодаль.

Вейн: «Безобразие! Воистину, Вивиан, безобразие! Вы осрамили губернатора!»

Вивиан: «Надеюсь, губернатор понимает, что мой отец и я попросту хотели построить мост».

Вейн: «Все знали, что ваш отец неисправимый эксцентрик. Но разве допустимо предпринять такую авантюру без учета ее интернациональных последствий!»

Губернатор: «Спокойнее, Вейн. Я полагаю, что мисс Спенсер учтет наше щекотливое положение...»

Вивиан: «Допустим, губернатор».

Губернатор: «Называйте меня запросто Джем».

Вивиан: «А вы меня – Вивиан».

Губернатор: «Отлично, Вивиан. Что же касается истории с мостом, то она уже привлекла мое внимание...»

Вивиан: «Насильно».

Губернатор: «Да, согласен. И посему я хотел бы сегодня же закончить с недоразумением более приемлемым способом».

Вивиан: «Что означает ваше желание спровадить русских из Западной Вирджинии?»

Вейн: «Мы, естественно, хотим этого! А то ведь как мы теперь выйдем?!»

Губернатор: «Успокойтесь, Вейн. Я уверен, что мы договоримся с Вивиан».

Вивиан: «Чашку чая, Джей?»

Губернатор: «Дорогой Вейн, мои секретари помогут вам принести из лимузина термос с кофе».

Вейн: «Кофе? Хорошо, принесем...»

Губернатор улыбается. Он придумал благовидный предлог избавиться от Вейна, чтобы столкнуться с Вивиан с глазу на глаз. Секретари выпроваживают Вейна из гостиной. Губернатор придвигается на диване к Вивиан.

Губернатор: «Я побеседовал утром с нашим соседом за рекою – губернатором Кентукки».

Вивиан: «Сразу же после появления тут русских?»

Губернатор: «Да. И наш сосед чистосердечно условился со мною изменить срочно и решительно отношение обоих штатов к мосту для Волкана».

Вивиан: «Вы построите мост?»

Губернатор вздыхает. Усмехается. Утвердительно кивает. Он видит, что эту леди ему не обвести вокруг пальца.

Губернатор: «Клянусь, построим».

Вивиан: «Немедленно?»

Губернатор: «Еще быстрее».

Вивиан: «И подпишите сейчас при мне взятое вами обязательство?»

Губернатор: «Увы, у меня нет при себе гербовой печати штата. Поверите моей подписи?»

Вивиан: «Сойдет. Но пошлю за нотариусом».

Губернатор восхищен ее деловой сноровкой и не скрывает этого.

Губернатор: «Хотите получить от меня пост казначея штата?»

Вивиан: «Спасибо, Джей, но у меня иные планы».

Вивиан в первый раз улыбается ему. Он похихатывает. И она тоже смеется. Переглянувшись, они огулительно хохочут. Входят секретари губернатора и Вейн с кофейным термосом. На них смотрят Вивиан и губернатор, покатываясь со смеху.

В кадре – красный «мерседес» подкатывает к автобусной остановке на безлюдном шоссе. Из «мерседеса» выходят Вивиан и Вла-

дмир. Он держит опять свой саквояж, как и несколько дней назад, когда сошел тут с рейсового автобуса. Но теперь Вивиан пытается не смотреть на Владимира. Она хочет скрыть свое настроение.

Владимир: «Еще один ласковый денек...»

Вивиан: «Да».

Владимир: «Мне жаль, что мы не построили мост для вас. Суриков такой зодчий, что мост выстоял бы тысячу лет».

Вивиан: «Все сложилось к лучшему. А мост будут строить благодаря тебе. Без тебя бы...»

Владимир: «Нет, я замышлял все иначе. Если бы мы построили мост, вложили в него наш труд, души, сердца, то этого у вас никогда бы не забыли».

Вивиан: «И так не забудут. Я тебе обещаю...»

Они снова, говоря о мосте, вкладывают в их слова двойственный смысл. На шоссе показывается автобус.

Вивиан: «Вот и все...»

Владимир: «Я напишу о мосте. И вернусь. Ты будешь здесь?»

Вивиан: «Нет. Уеду, как говорила тебе, в Калифорнию».

Автобус приближается к ним.

Владимир: «Помни! Через шесть месяцев! Мост закончат через шесть месяцев. Жди меня! Я вернусь к тебе грядущей весной. Мы начнем жизнь заново!»

Вивиан: «Здесь меня не будет».

Автобус тормозит. Владимир обхватывает Вивиан и целует. Она пытается вырваться, но вместо того обнимает его. Дверцы автобуса распахиваются. Пассажиры прилипли к стеклам. Водитель дает протяжный гудок. Вивиан отрывается от Владимира, и он заходит в автобус.

Вивиан: «Это безумие! Меня тут не будет!»

Владимир выпрыгивает из автобуса и целует Вивиан. Пассажиры аплодируют, свистят, смеются. К ним возвращается Владимир, и автобус уезжает. Вивиан потерянно следит, как автобус исчезает за поворотом.

Экран тускнеет, меркнет, гаснет. Звучит лирическая мелодия. Постепенно экран светлеет, и на нем проступают домики Волкана. Поселок зримо оживился: по улице снуют люди, с окон и дверей сорваны доски, из открывшихся лавок выходят покупатели, перед возрожденной школой колготятся малыши.

В кадре – небольшой автомобиль экономичной модели едет по Волкану. За рулем Владимир. Он отрастил усы. Выглядит по одежде как бы американизированным. Останавливает машину у дома Спенсеров. Нажимает дверной звонок. Никто не отвечает. Дверь закрыта. Владимир направляется пешком к берегу реки.

У реки сидит под деревом Вивиан. Ее лицо печально. Она отрешенно смотрит на реку. Потом встает с травы и вяло идет к поселку. Но вдруг вздрагивает и застывает: навстречу ей быстро шагает мужчина. Она не верит своим глазам! И все же это он! Она бежит к нему. А он к ней еще стремительней. Он подхватывает ее, сжимает, целует. И в эти секунды их слившиеся фигуры смещаются на экране в таком ракурсе, что позади них возникает мост. Новый мост!

Эпилог

Мост еще не был построен, когда я покинул Волкан. Джон Робинет проводил меня до автобусной станции на речном берегу Кентукки. На прощанье мы с Джоном не лобызались. Это не принято у мужчин в Соединенных Штатах. И не мельтешились вокруг нас американские репортеры: сенсации их прессы ослепительны, но недолговечны, как вспышки фейерверка. Ажиотаж из-за моста для Волкана уже погас. И когда автобус отчалил от остановки, никто из пассажиров, кроме меня, не оглядывался на оставшегося позади на пустом шоссе одинокого человека.

Автобус уносил меня вспять на север по узкой дороге, вихляющей вдоль речки Таг. Ее недавний разлив, словно сбесившееся чудовище, обглодал прибрежные селения. Деревянные домишки возле реки зияли проломами стен. Речные откосы были усеяны грязными досками и ошметками исковерканных оконных рам, столов, табуреток, кроватей. На мелководье торчали облепленные тиной смятые остовы автомобилей, снесенных потоком в реку.

Разговорившись с попутчиками, я выяснил, что здесь на десятки километров к северу от Волкана население страдает ежегодно от разрушительных наводнений. А последний разлив Таг затопил три поселка до самых крыш. Сотням бездомных пришлось пережить потоп в окрестных сопках Аппалачей. Жители на берегах Таг уже долгие годы просят власти соорудить на реке защитную дамбу, но денег на ее постройку не дает губернатор штата Рокфеллер. В общем, та же история, что и с мостом для Волкана.

- Неделю спустя мне позвонил в Нью-Йорк мэр Робинет:
- Помните, я тревожился, что после вашего отъезда администрация может смошенничать насчет ее обещания сделать нам мост?
 - Помню
 - Так и есть! – воскликнул мэр. – Южнее нашего поселка в речной пойме Таг один крупный землевладелец уговаривает сейчас власти штата сместить стройплощадку обещанного моста от Волкана к угольям этого богатея. А ему покровительствует губернатор Рокфеллер!
 - Что же будет?
 - Будет наше неизбежное столкновение с губернатором. А как восприняли в Москве мое письмо?
 - Еще неизвестно.
 - Но ответ дадут?
 - Уверен, что дадут. Хотя я сообщил туда, что ваши власти пошли на уступки вам и обязались построить мост.
 - Передайте своим, что нас снова хотят обмануть! Без вашей поддержки мы ничего не добьемся. Уж на вас-то, Иона, мы можем по-прежнему положиться?
 - Да, Джон.
- Я скрыл от Робинета, что моя статья о речном мосте в Западной Вирджинии не была напечатана в «Литературной газете». Более того, главный редактор «Литгазеты» Александр Борисович Чаковский учинил мне за ту статью грозный нагоняй:
- Что надоумило вас идиотски, Андронов, придать огласке письмо вашего дружка-мэра о его просьбе к Леониду Ильичу Брежневу помочь восстановить мост в американском поселке? Если бы мы это опубликовали, то какой бы поднялся скандальный кавардак! Сотни подобных писем со всей нашей страны полетели бы к президенту США с мольбами починить распавшиеся мосты, заасфальтировать деревенские дороги, построить сгоревшие домишки. Вы это сообразили? Я всегда к вам по-доброму относился и теперь говорю: хватит валять дурака. Продолжайте порученную вам работу.
- Перечить ему я счел бесполезным и неразумным. Он по-своему был прав. Без полемики с главным редактором я решился написать служебное письмо в ЦК КПСС лично генсеку Л.И.Брежневу с предложением поддержать все же в виде исключения жителей рабочего поселка Волкан с учетом большого внимания американской прессы к мелкой вроде бы проблеме.

Тем временем одинокий Дон-Кихот из Аппалачей атаковал всемогущего Рокфеллера. Мэр Волкана отправился в столицу штата, созвал городских журналистов и устроил пресс-конференцию.

– Наш губернатор, – заявил Робинет, – строит из себя демократа. Баллотируясь на выборах, он, Джон Рокфеллер, предлагал избирателям именовать его без всякой помпы семейным прозвищем Джей. И на обещания простакам он не скупится! Послушайте, какое письмо я от него получил:

«Дорогой мистер Робинет! Я давно осведомлен о транспортной проблеме ваших односельчан в Волкане. И теперь я смогу помочь вам. Учтите, пожалуйста, что Западной Вирджинии больше не нужна негативная шумиха, раздувающая темные аспекты жизни населения нашего штата в отдельных его районах».

– Но сейчас он увиливает от данного обещания! – продолжал мэр. – А я ведь наивно понадеялся, что Джей порядочный парень. Он же не сдержал своего слова. И больше я не доверяю этому типу! Зато надеюсь на русских.

В ответ на дерзкий вызов Рокфеллер презрительно отмалчивался. Однако его секретари связались по телефону с непочтительным крикуном и предложили ему во избежание суровой кары «не выставлять нас на посмешище». Они пригрозили расплатой за «публичные оскорбления». И обозвали его в газетах «бузотером».

Тем не менее Робинет повторно решился на неравный поединок с губернатором, когда тот, объезжая свою вотчину с целью завоевать популярность у избирателей, проследовал со своей свитой через городок Мэтеван близ Волкана. В минуты торжественного въезда на главную улицу Мэтевана автокортежа губернатора Робинет бросился наперерез лимузину Рокфеллера, вынудил его выйти из машины и выслушать претензии на виду у сбежавшихся горожан. Попав впросак, опытный политик не стал перечить своему обличителю при нежелательных свидетелях. Губернатор хладнокровно выслушал Робинета, выдал даже стереотипную улыбку, помахал рукой толпе и уехал. Но с той поры злобно замыслил, как подтвердили последующие события, жестоко разделаться с критиком.

И все же Робинет добился краткосрочного позитивного эффекта. Газеты расписали его стычку с Рокфеллером. Подоплека новой сенсации была двойной. Во-первых, губернатор во время предвыборной кампании больше всего сулил избирателям штата отремонтировать плохие горные дороги, соорудить недостающие мосты, построить

плотины против сокрушительных наводнений. Почти ничего из тех обещаний он не выполнил. Тем самым единоборство с ним мэра обманутой деревушки привлекло всеобщее внимание. А кроме того, пресса ухватилась за подвернувшийся повод развлечь публику зрелищным шоу с анекдотическим сюжетом: на Джона Рокфеллера, прозванного не только Джем, но и «принцем голубых кровей», ополчился безродный и безработный забияка. Уникальный матч: на ринге – принц и нищий! Гонг! Первый раунд! Второй! Делайте ставки, леди и джентльмены! Эй, нищий глупышка, как долго ты продержишься до нокаута?

У двух бойцов газетной баталии было лишь одно сходство: они сверстники. А их весовые категории в пересчете на доллары определились следующим образом: у Рокфеллера – семейный капитал в десять миллиардов долларов. Незадолго до того, как Робинет наскреб у соседей взаймы 15 долларов на оплату его телеграммы в Москву, Рокфеллер израсходовал на свою предвыборную кампанию 13 миллионов, уплатив за каждый поданный за него голос по 30 долларов. После выборов один дотошный репортер спросил губернатора:

– Скажите откровенно, сколько у вас лично денег?

– Если откровенно, – усмехнулся Рокфеллер, – то их у меня во много, много, много раз больше, чем у вас.

Бытует расхожее мнение, что в Америке опознают миллионеров отнюдь не по костюму, а только по чековой книжке. Но это никак не применимо к Робинету и Рокфеллеру. Первый и по его обносам, и по исхудалому лицу бедняк. Второй – молодцеватый с виду здоровяк, одетый подчеркнуто элегантно, а ростом он в полтора раза выше художочного мэра. Когда Робинет с юности надрывал здоровье в подземных забоях, наследный принц рокфеллеровских миллиардов благоденствовал в тепличной атмосфере привилегированного Гарвардского университета. Джон Робинет с детства привык жить в бараке, а будущий губернатор Джей рос в роскошном палаццо фамильной усадьбы Покантико. Это поместье Рокфеллеров занимает две тысячи гектаров. Там воздвигнуто несколько дворцов, окаймленных фонтанами, полянами для игры в гольф, садами и рощами экзотических деревьев. На лужайках – павильоны с плавательными бассейнами, теннисными кортами, кегельбаном и бильярдным залом. В конюшнях – отборные рысаки для любителей погарцевать на свежем воздухе. А в гараже для мотопрогулок по обширному парку – бесшумные электромобили. И

еще – множество слуг, шоферов, конюхов, телохранителей и сторожей этого рокфеллеровского княжества, превышающего европейское Монако по размеру территории в десять раз.

Зачем, казалось бы, принцу Джею менять его беспечно-сладкую жизнь на хлопотное губернаторство в беспокойной Западной Вирджинии с ее стихийными бедствиями и шахтерскими стачками? А затем, что он в открытую мобилизовал полицию штата на подавление забастовок угольщиков. И тут у него был свой резон: крупнейший в Западной Вирджинии угледобывающий концерн «Консолидейшн коал» принадлежит финансово-промышленной империи Рокфеллеров. Принц из династии ненасытных стяжателей, купив пост губернатора, использовал теперь государственную власть ради умножения своего баснословного капитала.

Но и этого ему было мало. Он разглагольствовал неоднократно в интервью с газетчиками, что у него идеальный пример для подражания – его покойный дядя Нельсон Рокфеллер, бывший губернатором штата Нью-Йорк и вице-президентом США. Этот Рокфеллер при жизни не скрывал своей заветной мечты стать первым в его роду хозяином Белого дома. Он умер, не дойдя до поставленной цели всего один шаг. Был случай, когда его напрямик спросили: «С какой поры вы возмечтали овладеть Белым домом?» И он ответил: «С раннего детства. Уже тогда у меня было все, что пожелаю. О чем же еще, кроме Белого дома, оставалось мечтать?»

О том же возмечтал вслед за ним и его племянник. Газета «Нью-Йорк таймс» авторитетно утверждала, что «принц Рокфеллер нацелился на президентство». И тут он негаданно поскользнулся на ничтожной козявке: нищий мэр из нищенского поселка мог несмываемо запятнать позолоченный «имидж», то есть показной образ честолюбивого принца. Так в начальных раундах схватки с ним Робинет устоял благодаря мастерски набранным очкам.

В ответ на мою челобитную Брежневу мэр Волкана получил из Москвы письмо, подписанное по указанию ЦК КПСС заведующим иностранным отделом «Литгазеты» Олегом Прудковым:

«Уважаемый господин Робинет! В трудную для вас минуту вы вспомнили о нашей стране, о советских людях. Тем самым вы воздали должное добрым чувствам, которые присущи советским людям. Мы выражаем вам наше сочувствие в связи с трудностями, выпавшими на долю жителей вашего поселка. Советский Союз упорно и настойчиво предлагает практические меры к сокращению военных

бюджетов и обузданию гонки вооружений ради упрочения мира и с целью высвободить огромные средства на обеспечение жизненного благополучия множества людей, на мирное строительство дорог, мостов, школ, госпиталей, жилых домов. Во имя этих целей Советский Союз твердо намерен и впредь проводить курс на улучшение советско-американских отношений, ибо только такой курс отвечает высшим национальным интересам наших стран. Советские люди всегда стремились и стремятся к взаимопониманию с народом Соединенных Штатов. Это соответствует интересам всех народов мира».

Это была по сути бюрократическая отписка.

Но после этого письма американские газеты опубликовали заявление Робинета:

– Русские следят за тем, что творится с обещанным нам мостом. Если власти его не построят, то русские нам помогут!

Можно вообразить, как свирепо и бессильно поносили неугомонного мэра его недруги в губернаторских апартаментах. И не только там. Телеграфные пресс-агентства процитировали неосторожное высказывание назначенного Рокфеллером начальника департамента транспортных коммуникаций. Этот деятель по имени Чарльз Престон сгоряча сболтнул: «Из Вашингтона нам подсказали: «Постройте, наконец, треклятый мост и заткните глотку этому строптивцу Робинету! История уж слишком позорная для нас. Дошло ведь до международного скандала».

И вот я услышал по телефону ликующий голос Джона Робинета:

– Наши власти объявили, что приступят на днях к строительству моста для Волкана! Передайте в Москву огромное сердечное спасибо от наших людей. Передайте, что у нас на речке Таг будет отныне мост американско-советской дружбы!

Через полгода мост построили, и на церемонию его открытия мэр попросил меня приехать.

За два дня автопутешествия я добрался из Нью-Йорка до знакомой горной речки и пересек ее по новенькому бетонному мосту. Он внешне ничем не примечателен: сероватый, без каких-либо украшений, длиной не свыше ста метров, однопролетный и настолько зауженный, что двум встречным машинам на нем не разминуться. Однако на его открытие съехалось в поселок множество гостей из окрестных городишек, шахтерских селений, фермерских хуторов.

Празднично одетые люди усеяли оба берега реки, разгуливали по мосту, весело толпились вокруг героя торжества – мэра Робинета,

который посреди моста гордо размахивал древком его старенького флага со звездами и полосами. Увидев меня, мэр бросился обниматься. И вопреки американским обычаям мы с ним крепко, по-русски, расцеловались.

Знакомые мне и незнакомые жители окружили нас с Робинетом, поздравляли, пожимали руки, смеялись. Какой-то предприимчивый американец в мундире авиатора привез на грузовике к мосту надувной воздушный шар с гондолой, усадил в нее мэра и меня, размотал прицепленный к гондole канат, и мы вдвоем вознеслись ввысь над мостом.

Мэр кричал: «Ура! Победа!» С земли пронзительно свистели и аплодировали. Детвора верещала: «И мы хотим! И нас покатайте на шаре!» Потом мэр, спустившись наземь, разрезал красную ленту между перилами моста. И разбил об них вместо ритуального шампанского подаренную ему бутылку с вином из Москвы. Робинет во всеуслышание провозгласил: «Наш мост построен благодаря отзывчивости России. Спасибо ей от нас!»

Его слова тогда же передал по телеграфу присутствовавший корреспондент агентства «Ассошиэтед пресс». Местная газета «Уильямсон дейли ньюс» вышла с аршинным заголовком на первой странице: «Заслуга в постройке моста принадлежит по сути русским».

И все же суть этой истории подметил, по-моему, еще зорче посетивший Волкан американский журналист Дэвид Хесс: «Для большинства здешних обитателей борьба за мост свелась не только к публичной огласке их нужд и не только к удовлетворению их экономической потребности иметь транспортную связь с внешним миром. Они говорят, что хотят добиться от властей уважения к ним как полноправным гражданам. И тем самым хотят обрести духовную веру в свои силы и жизнеспособность их малой общины». Да, новый мост состоял не только из бетонных плит.

Вечером мы с мэром сидели в его бараке, пили пиво, вспоминали пережитое. Я сказал ему, что готовлюсь к отъезду домой. Мы договорились переписываться. Но разговор о завтрашнем дне получился грустным. Робинет рассказал, что губернатор штата, не простив нанесенных обид, допекает теперь мэра исподтишка. По поселку и округе распускают о Робинете гнусные сплетни. Будто он получает секретно деньги от русских. Будто магнаты Голливуда уплатили ему тысячи долларов за право снять фильм о мосте для Волкана.

Будто он стал подпольным миллионером и прячет от всех свои барыши, чтобы не поделиться ни долларом с односельчанами. И будто он ратовал за постройку моста лишь ради наживы и единоличной славы.

– По ночам меня будят анонимными телефонными звонками, – сетовал мэр. – Шипят: «Ты, гадина, проданся коммунистам. Берегись, прикончим тебя!»

– Но ведь население поселка за вас?

– Сегодня. А завтра? Люди у нас темные и неискушенные, их легко околпачить, возбудить у них подозрения, зависть, злобу. У нас в штате орудует ку-клукс-клан. Правят антикоммунисты. Один разок я их прижал, но и за это пощады от них не будет...

Наутро мы распрощались. Робинет был немногословен. Приподнятое настроение вчерашнего праздника улетучилось. Да и мне было муторно: увижу ли снова когда-нибудь этого ставшего мне дорогим правдоискателя-одиночку? Вот и последнее наше рукопожатие. Шагаю от его барака к моему автомобилю, а Джон присел на пороге и смотрит молча на меня. Завожу мотор, даю прощальный гудок. Джон утирает рукой глаза. Уезжаю. И помню до сих пор, как сидит он сиротливо на пороге барака и смотрит затуманенным взглядом на уезжающего друга, на мост, на предстоящую ему непростую жизнь.

А в Нью-Йорке меня поджидала связка писем от подражателей мэру Робинету. Бездомный бедняк из Чикаго молил помочь ему найти кров. Заключение из тюрьмы на юге штата Иллинойс звали немедля прибыть им на подмогу. Вождь индейского племени в Калифорнии просил помочь его сородичам вернуть отнятые у них земли резервации. Фермеры из Джорджии жаловались на обирающих их спекулянтов-перекупщиков сельскохозяйственной продукции. Но что можно было поделаться? Я не чудесник. А случай с мостом на речке Таг – редчайшее житейское чудо.

После моего отъезда из США истек год, а от Робинета не пришло ни одного письма. И я из Москвы позвонил ему в Волкан, но вместо мэра ответила телефонистка:

– Телефон под заказанным вами номером отключен.

– Тогда найдите, будьте любезны, в вашем справочнике имя Джона Робинета и сообщите мне номер его телефона.

– Джон Робинет не числится в справочнике телефонов Западной Вирджинии.

– Это точно?

– Да, сэр.

Как же быть? Я вспомнил, что встречался в Нью-Йорке с либреттистом Лоуренсом Дюкором, который сочинял тогда музыкальную пьесу о мосте для Волкана, ездил туда, общался с мэром и прочими сельчанами. Позвонив Дюкору, я услышал от него, что Робинет куда-то запропастился и его местопребывания неизвестно. По моей просьбе Дюкор позвонил позже в Волкан, наводил справки у известных ему журналистов в Западной Вирджинии. Потом Дюкор сказал мне по телефону:

– Джон пропал бесследно.

– Не оставил никому своего нового адреса?

– Именно так.

– Что же, Лоуренс, там произошло?

– Раньше, Иона, вы были смекалистый малый.

– Его затравили, и потому он оттуда скрылся?

– Вы попали в точку.

У меня все, что сохранилось с тех дней, это сувениры от Джона Робинета – неувыдающая искусственная гвоздика и брошюра киносценария «Мост для Волкана».

В отличие от голливудского сценария я не могу по чисто личной причине завершить свой рассказ счастливым концом – хэппи-энд.

В начале 2003 года в Москве моя жена Валентина пожаловалась на сердечное недомогание. Но она не обратилась сразу к врачам по нашей русской безалаберности. А когда у нее усилились сердечные спазмы весной того же года, то она, наконец, пошла в поликлинику.

Врачи в поликлинике обследовали Валентину и так растревожились ее состоянием, что отправили Валю без заезда домой на машине скорой медпомощи в больницу.

17 июня 2003 года в больнице Вале сделали поспешную и некачественную, как оказалось, операцию шунтирования сердечных сосудов. После операции произошло обильное кровоизлияние. Его не сумели хирурги приостановить. Валя, не приходя в сознание почти трое суток, умерла ранним утром 20 июня.

Я очень любил и люблю Валю. Очень. Я познакомился с ней еще в нашем студенческом общежитии на Воробьевых горах. Мы поженились после окончания университета. Прожили вместе 45 лет. Это были счастливые для меня годы. Мы никогда всерьез не ссорились, не расходились. У меня не было помыслов, как у голливудского Ан-

дронova, сбежать от любимой жены на чужбину к заморской бабенке.

Валя была по-русски доброй, красивой, умной, порядочной, интеллигентной. Она много лет проработала в академическом Институте Латинской Америки. Изучала историю католической церкви. Стала доктором исторических наук.

Когда после гибели Вали мне отдали в больнице узелок с ее бытовыми вещами, то среди них я нашел обращенную ко мне предсмертную записку жены. Она попросила, чтобы ее отпевал знакомый ей католический священник-миссионер из Испании. И он это сделал.

На кладбище над могилой Вали установлен высокий католический крест из черного гранита. Могильный участок составляет четыре квадратных метра. Когда я лягу в землю рядом с Валей, то останутся от меня несколько малоизвестных книжек и частица речного моста в далекой Западной Вирджинии.

Иона Ионович Андронов
Русская любовь янки Джо

Мемуарные рассказы

ООО «Издательство "Спорт и Культура – 2000"»
117292, Москва, ул. Кржижановского, д. 1/19
Тел./факс: (499)125-20-10
www.sport-cultura.ru, e-mail: info@sport-cultura.ru

Директор – А.В. Панурин
Корректор – Т.А. Осипова
Верстка – А.И. Борзенкова

Сдано в набор 11.11.10
Подписано в печать 13.12.10
Формат 60x84/16. Печать офсетная.
Гарнитура «Arial». Объем 13 п. л.
Тираж 3000 экз.

ISBN 978-5-91775-042-2

9 785917 750422
www.sport-cultura.ru

Изд. №1036. Заказ № 0655

Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени
типографии им. Скворцова-Степанова ФГУП Издательство «Известия» УД П РФ
Генеральный директор **Э.А. Галумов**
127994, ГСП-4, г. Москва, К-6, Пушкинская пл., д. 5
Контактные телефоны: 694-36-36, 694-30-20 e-mail: izd.izv@ru.net